

Время для перемен

Автор:

[Александр Маркова](#)

Время для перемен

Юлия Викторовна Маркова

Александр Борисович Михайловский

Никто кроме нас #7

С того момента как императрица Ольга вступила на престол прошло три года. За это время Российская Империя, счастливо избегнув катаклизма под названием «первая русская революция», обновляясь и усиливаясь, готовится к новой схватке, которая через несколько лет неизбежно грянет на просторах Европы. В начале 1907 года предreshен только состав коалиции Центральных держав, поскольку Германская империя день ото дня усиливает связи с Австро-Венгрией и Турцией. При этом формирование Антанты находится в зачаточном состоянии, ибо не изжита враждебность между Россией и Великобританией. Придется России в одиночку драться против враждебной коалиции или у нее в этом деле все же найдутся союзники?

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Время для перемен

Вступление

С начала русско-японской войны минуло три года. Нельзя сказать, что это время было особенно бурным, хотя и спокойным его тоже не назовешь. Британская империя под руководством миролюбивого Генри Кемпбелл-Баннермана зализывала раны своему престижу, нанесенные авантюрами предыдущего правительства. Несколько раскрытых покушений (с британским участием) на русского императора и утопленная эскадра адмирала Ноэля еще долго отдавались на Даунинг-стрит тупой саднящей болью. Даже разгром мятежа в Финляндии не мог сподвигнуть джентльменов на что-то более громкое, чем дежурные протесты. Сэр Эдуард Грей, только-только назначенный министром, отметился в парламенте довольно вялой речью в защиту «свободы и демократии», и на этом все кончилось.

Этот джентльмен тоже был сторонником активной политики, но только на германском направлении. Второй Рейх, как это ни удивительно (при почти полном отсутствии колониальной подпитки), развивался быстрее всех своих европейских соседей, и поспорить с ним в этом могли только Североамериканские Соединенные Штаты. В Британском Адмиралтействе посчитали, что, исходя из колониальных амбиций кайзера Вильгельма и растущей мощи германской промышленности, к восемнадцатому году двадцатого века германский Хохзеефлотте по силе сравняется с британским Роял Нэви и дальнейшая гонка военно-морских вооружений грозит Великобритании финансовым разорением. А посему последовал вывод, что если джентльмены желают положить предел амбициям диких германских гуннов, сделать это необходимо задолго до наступления означенной даты.

Тем временем главный возмутитель европейского спокойствия, германский кайзер Вильгельм, неловко ворочался, стараясь поудобнее устроиться в новой реальности. С одной стороны, его немало радовали понижение градуса франко-русских отношений и щелчок в нос, что получили зазнайки из Роял Нэви; а с другой стороны, он просто не знал, как вести себя с Россией императрицы Ольги. В той, другой реальности, он распоясался в условиях резкого ослабления России после проигранной русско-японской войны и инспирированной ею первой русской революции; но в этом мире все было совсем не так. Россия была сильна как никогда и очень зла, а единственного визита в Санкт-Петербург кайзеру хватило, чтобы понять: Ольга – это далеко не кузен Ники. Она олицетворяла собой мрачную суровую простоту, величие которой не требуется подкреплять жемчугами и бриллиантами.

Но больше всего кайзеру запомнился российский князь-консорт, Великий князь Цусимский новейшего происхождения, который тяжелой тенью маячил за спиной августейшей супруги и смотрел на Вильгельма таким взглядом, будто целил из винтовки. Разумеется, кайзеру было известно британское прозвище этого человека – «Воин Пришельцев», также он знал и то, что российская аристократия прозвала этого человека «Викингом». Причиной тому стали как выигранное им сражение под Тюренченом, так и его гордый и независимый нрав. Разговаривать с великими князьями так, будто это неразумные детишки, дано не каждому. И императрица вела себя под стать супругу – сурово указала, что не позволит в очередной раз положить Францию пусту (что, впрочем, не касается колониальных войн: где-нибудь в Африке немцы могут сколько угодно меситься с французами, и ни один русский солдат от этого даже не пошевелится). Но чтобы попытаться оспорить французские колонии в Африке или где-нибудь еще, кайзеру нужен был флот. Солдат к месту сражений надо было еще доставить, их требовалось снабжать, а транспорты снабжения, которые пойдут мимо французских берегов, было необходимо охранять...

Что касается французов, то они сидели тихо. Воинственный как вождь племени мумба-юмба Теофиль Делькассе, получив пинка под зад, покинул здание на набережной Ка-де-Орсе (уж слишком серьезные последствия повлек отказ Французской Республики поддержать Российскую Империю в русско-японской войне) и его сменил трусоватый и жуликоватый Морис Рувье. А потом началась министерская чехарда: министры то и дело сменяли друг друга, и от этого качество французской дипломатии неуклонно снижалось.

Что касается Российской Империи, то она, подобно гадкой гусенице, желающей превратиться в прекрасную бабочку, замкнулась в себе и проявляла минимум международной активности. Она занималась тем, что решала свои внутренние проблемы. Двадцать лет покоя, как мечтал Столыпин, Российской Империи никто не обещал, поэтому даже краткосрочную передышку нужно было использовать с максимальной пользой. А дел в государстве у правительства императрицы Ольги и канцлера Одинцова было невпроворот. В качестве первоочередной задачи требовалось в кратчайшие сроки избавить российское чиновничество от проказы коррупции, оптимизировать денежное обращение, реформировать армию, очистить офицерский корпус и генералитет от дураков и потенциальных предателей, а также провести первый этап большой программы переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Помимо этого, было необходимо переварить добычу русско-японской войны: урегулировать отношение с бессильным корейским ваном и цинским Китаем, которым правила доживающая последние годы императрица Цыси, протянуть нити железнодорожных путей к

Сеулу и Фузану, а также обустроить базу крейсеров на Цусиме.

С корейским ваном было проще всего. Еще осенью тысяча девятьсот четвертого года под давлением обстоятельств он подписал первое русско-корейское соглашение, предусматривающее преимущественные интересы Российской Империи на территории Кореи, как и следовало из русско-японского мирного договора, а чуть больше чем через год это соглашение сменилось Договором о Протекторате. С этого момента ван Коджон царствовал, но не правил. Однако известие о Протекторате вызвало волну возмущения в Цинском Китае, считавшем Корею своей вассальной территорией, незаконно отторгнутой японцами. Кроме всего прочего, на китайской земле еще не остыли угли восстания ихэтуаней, протестовавших против проникновения в страну европейцев и обращения ими части китайского населения в христианство. Едва ли Конфуций учил убивать иноверцев и иностранцев, но его далекие последователи оказались крайне воинственны, тем более что эта воинственность стимулировалась как указами богдыханши Цыси, так и наущениями «некоторых» европейских посланников. Командующий Бэйянской армией генерал Юань Шикай собрал около ста тысяч своего войска нового строя и двинулся воевать против белых чертей и длинноносых варваров. Предполагалась, что его армия, вымуштрованная с помощью европейских инструкторов, с легкостью сомнет немногочисленные русские гарнизоны, оставшиеся после перевода большей части Маньчжурской армии в центральные губернии Российской Империи.

По счастью, китайским башибузукам противостоял не кто-нибудь вроде Куропаткина, а фельдмаршал Линевиц, с которого еще не сняли обязанности главнокомандующего русской армией в Маньчжурии. Сил у старика и вправду было значительно меньше, чем у Юань Шикая: не считая гарнизонов городов, примерно сорок пять тысяч штыков при сорока восьми трехдюймовках. Но это были русские солдаты, прекрасно вооруженные и имеющие боевой опыт победоносной русско-японской войны. Сражение русской и китайской армий состоялось неподалеку от порта Инкоу, который китайцы попытались взять с налету. Ощущение от этой битвы у разного рода иностранных «наблюдателей» возникло такое, что по гигантской глиняной корчаге подвыпивший русский богатырь врезал железным ломом: черепки веером во все стороны и облако густой пыли. Ап-чхи!

Этих самых наблюдателей потом еще два дня отлавливали по окрестностям и сцапали почти всех. А все потому, что Линевиц повелел распространить среди

китайских крестьян, что за каждого англичана, немца, франка и и т. п., доставленного живым к русскому командованию, дадут лян серебра, но если длинноносый варвар окажется мертвым, то дадут только десять палок... Дураков получать палки вместо серебра среди крестьян не было, поэтому они переловили и доставили русским всех сопровождающих армию Юань Шикая европейцев. Впрочем, и самого этого генерала (единственного из китайцев, кто интересовал русское командование в живом виде) они тоже поймали и сдали в пункт приема человеческого вторсырья за один лян. И никакого почтения к мундиру. Если у тебя есть армия – то ты генерал, а если армии больше нет – то обыкновенный бандит-хунхуз, за голову которого назначена награда. Теперь, когда грянет Синхайская революция (а она непременно грянет, и, может быть, даже раньше, чем в другой реальности), одна из самых амбициозных политических фигур окажется вне игры.

Прибрав за собой разбросанный мусор, армия Линевича двинулась на Пекин – выяснять, к чему был весь этот гай-гуй. Когда известие об этом дошло до богдыханши Цыси, та так разволновалась так, что чуть было скоропостижно не прекратила своего существования. Ей была памятна история с подавлением восстания ихэтуаней, когда объединенная армия европейских держав взяла Пекин и поставила Цинскую империю в унижительное положение, обычно свойственное побежденным. Извинения, которые тогда пришлось приносить длинноносым варварам, были наименьшей из бед. Гораздо серьезней оказалась контрибуция, наложенная победителями на Китай, поскольку взыскивать ее требовалось с населения, и так уже ободранного до костей. Но армия Линевича брать Пекин не стала, ибо такой задачи ей не ставилось. Переговоры между дипломатами Поднебесной и фельдмаршалом Линевичем состоялись в местечке Фэнжунь.

Собственно, китайские сановники предполагали, что жадные варвары потребуют денежной компенсации «за беспокойство», но когда им озвучили сумму, даже прожженным конфуцианцам изменила их хваленая невозмутимость. Контрибуция, наложенная на цинское правительство, вдвое превосходила сумму, на которую по итогам русско-японской войны «обули» императора Муцухито (значительно более состоятельного, чем богдыханша Цыся). Такое изъятие денежных средств должно было полностью разорить Китай, и так уже отягощенный контрибуциями по итогам японо-китайской войны и подавления восстания ихэтуаней. А ведь во всем виновата как импульсивность Цыси (нечего было писать пламенные воззвания к солдатам убивать и русских, и обращенных в православие китайцев), так и репутация русских как людей кротких и незлобивых, которых требуется очень долго раскачивать на какие-нибудь

ответные действия. А тут, поди ж ты: молниеносный ответный удар и сокрушительный разгром. У китайских сановников, окружавших трон богдыханши, создалось впечатление, что Наместник Алексеев и главнокомандующий Линеви́ч только и ждали момента, когда Бэйянская армия, ведомая народным гневом (а на самом деле по приказу Цыси), вторгнется в Манчжурию и даст им повод снова немного повоевать...

И вот в тот момент, когда китайские дипломаты уже были на грани отчаяния, фельдмаршал Линеви́ч как бы невзначай заметил, что его императрица согласна была бы зачесть контрибуцию в счет арендной платы за девяносто девять лет использования Манчжурии. В любом случае, манчжур там уже почти не осталось, все выехали в Китай. Поскольку территория Манчжурии являлась родовым владением чжурчжэньского клана Айсиньгьоро, основавшего империю Цин, договор заключался лично с Цысей как с главой клана, а не как с китайской императрицей. Как там богдыханша и ее наследники будут в свою пользу взыскивать компенсацию с нищего Китая, русских уже не касалось. Дело было сделано. Теперь сразу после того как грянет Синьхайская революция и династия Цин будет свергнута с китайского трона, арендованная Российской Империей Манчжурия превратится в выморочное имущество. Новые китайские власти не будут иметь к этой провинции никакого отношения, поскольку она никогда не входила в состав доманчжурского Китая, а свергнутый император Пу И (на момент заключения договора аренды находившийся еще в стадии эмбриона) станет российским подданным.

Но это были дела восточные. На европейском направлении, несмотря на все изменения и отсутствие такого явления как «первая русская революция», события шли почти привычным для другой истории курсом. Основными противниками Российской Империи по-прежнему оставались Германская Империя, Австро-Венгрия и Оттоманская Порты. При этом союзников у нее не было совсем. Не называть же союзниками Сербию и Черногорию. Помочь в войне такие «союзники» в виду своей слабосильности ничем не смогут, зато неприятностей могут организовать столько, что потом с разбегу не перепрыгнешь. Болгария в силу предпочтений своего князя болтается между Россией и Австро-Венгрией как известная субстанция в проруби, а Румыния, по извечной цыганской привычке, только и ищет, чего бы стащить с чужого стола. Великобритания, несмотря ни на что, под давлением обстоятельства, называемого «германской угрозой», из состояния прямой враждебности переходит в состояние недружественного нейтралитета.

При этом градус союзных отношений с Францией существенно понизился – как по причине предательского поведения Третьей Республики во время русско-японской войны, так и в силу того, что вышедшее из золотого стандарта правительство канцлера Одинцова перестало брать обеспечительные кредиты в звонкой валюте. И Одинцов, и Новиков, и другие ответственные товарищи не испытывают к Третьей Республике особенного доверия. А с французской стороны свои пять копеек добавила монополия на внешнюю хлебную торговлю, которую все тот же канцлер Одинцов отдал частно-государственной корпорации «Росзерно». Таким образом, бывшие «деловые партнеры» европейских буржуа сгнули в неизвестном направлении, а их место заняли люди, с которыми, как оказалось, совершенно невозможно «договориться».

Больше всего Ротшильдов, стоящих за спиной у французских властей, бесит то, что государственная часть уставного капитала этой корпорации, была составлена из денег, конфискованных у разгромленного франкофильского лобби, а его частной составляющей оказались личные взносы императрицы Ольги, ее брата Михаила, экс-императора и Великого князя Финляндского Николая, а также контролируемой канцлером Одинцовым корпорации пришельцев с устрашающим названием «Белый Медведь». Впрочем, не секрет, что некоторым крупным русским буржуа тоже предлагали принять посильное участие в этом прибыльном деле, но бывшие воротилы хлебного рынка гордо отказались, рассчитывая, что через полгода-год это неумная затея молоденькой девчонки-императрицы все равно пойдет прахом. Теперь эти деловые люди усиленно кусали локти, сетуя на свою недалёковидность, поскольку корпорация, умело руководимая господином Коншиным, не только не разорилась, но и пустила корни в каждой губернии и каждом уезде страны.

В активе молодой корпорации имеются не только элеваторы, сыпные зерноприемные пункты, новейшие паровые мельницы и отлаженная логистика по доставке, но и разбросанные по всей территории Империи селекционные и семеноводческие хозяйства, а также агрономические пункты и конно-машинные станции, предоставляющие бедняцким хозяйствам доступную возможность аренды рабочих лошадей, сеялок, плугов и борон. Благотворительности в этих действиях был самый минимум. В основном такие действия преследовали цель увеличить обороты корпорации за счет мелких производителей. Нельзя не сказать и о том, что недорогая аренда и такие же легкодоступные для бедных крестьян семенные ссуды возбудили лютую ненависть представителей кулацкого сословия. Кулак – он ведь не просто зажиточный крестьянин, поднявшийся из крестьянской нищеты с помощью своего ума и смекалки, а еще и сельский буржуа, ростовщик и лавочник, живущий за счет ограбления

односельчан. И тут вдруг откуда ни возьмись появляется конкурент, который вырывает у кулака вкусное прямо изо рта, а взамен сует туда кукиш.

И вот что удивительно: никакой коллективизации не наблюдалось вообще, тем более принудительной; большевики держались от деревни на почтительном расстоянии, а вот поджоги конно-машинных станций и ссыпных пунктов, а также убийства управляющих уездных отделений Росзерна и даже рядовых работников на какое-то время сделались обычным явлением. Правда, наряду с насильственными методами борьбы за прибыли мелкой буржуазии нередко были случаи хищений, приписок и банальной коррупции, когда за определенную мзду ссуды предоставлялись совершенно не тем людям, что нуждались в помощи.

И точно так же, как и большевики тридцатых годов иного мира, власть ответила на кулацкий террор и разгул коррупции самым неприкрытым насилием. Правда, оно не было массовым (можно сказать, огульным) по отношению ко всем представителям зажиточного крестьянства: эбисты «брали» лишь непосредственно замешанных в актах саботажа, диверсий, хищений и коррупции, а суды, в зависимости от тяжести содеянного, штамповали сроки от пяти до пятнадцати лет каторги. Умели грешить – умеете и лес пилить и тачку на стройке катать. Вместе с преступниками к месту будущего вечного поселения отправлялись их бабы и ребятишки. Тоже переселенческая программа, но только не совсем добровольная. Впрочем, на новом месте ссыльные получали такое же вспомоществование, как и обычные переселенцы, ведь власти хотели убрать этих людей из центральных губерний, а не заморить их нищетой, голодом и холодом. Империя интенсивно развивалась – и на ее карте появлялись такие населенные пункты как Магадан, Воркута, Инта, Мурманск, Норильск, не говоря уже и о том, что активное строительство железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке также требовало большого количества рабочих рук. Великий Сибирский путь обрастал разъездами, а на некоторых участках с особо интенсивным движением магистраль становилась двухпутной. Также интенсивно проектировались и строились новые дороги, в первую очередь, в направлении на Сеул-Фузан, на Воркуту и Мурманск.

В рамках подготовки к грядущей войне развивались и западные губернии Российской Империи. Если польские территории было велено считать стратегическим предпольем, то по рубежу рек Западный Буг, Нарев, Бобр и Неман возводился некий аналог «линии Сталина», протянувшийся от Либавы на побережье Балтийского моря до предгорий Карпат. В Прибалтике, напротив русской оборонительной линии, еще давно немцы возвели свои укрепрайоны,

прикрывающие с востока Кенигсберг. Кстати, сама Либав, в связи с особенностями своего положения и гидрографии района, утратила статус передовой военно-морской базы Балтийского флота; теперь на нее базировались исключительно миноносцы, минные заградители и тральщики (в перспективе торпедные катера), но никаких крупных артиллерийских кораблей. Какой смысл в военно-морской базе, если после каждого шторма ее акватория намертво забивается песчаными заносами, с которыми в разумные сроки не силах справиться ни один земснаряд? Огромные средства, при соучастии Витте вбуханные в эту базу при императоре Николае Втором, на самом деле оказались выброшенными в песок... правда, не все эти деньги пропали даром. Часть сооружений удалось приспособить для базирования москитного флота, часть оборудования вывезти и использовать для доукомплектования других военно-морских баз – например, Мурманска, Цусимы и Мозампо.

Собственно, не базами едиными жил флот. В Петербурге и Николаеве на воду уже были спущены карманные линкоры первых серий. На Балтике – «Гангут», «Петропавловск», «Петр Великий» и «Андрей Первозванный». На Черном море – «Императрица Мария», «Императрица Екатерина» и «Иоанн Златоуст». И, поскольку свято место пусто не бывает, на стапеля тут же легли кили линкоров второй, улучшенной серии, в конструкции которых были предусмотрены самые новейшие достижения науки и техники. В Британии известный адмирал Фишер поначалу пришел в изумление от прыткости русских, но потом британской разведке удалось раздобыть характеристики строящихся кораблей – и тогда стало ясно, что британским интересам русские линкоры могут угрожать только в случае прямого нападения Британской империи на Россию. Для наступательной войны против Владычицы Морей у этих кораблей банально не хватит дальности, однако во внутренних морях они способны перебить множество горшков на неприятельских кухнях.

На Балтике единственными реальными противниками русских эскадр могли стать флоты Германии и отчасти Швеции, а на Черном море роль основной жертвы русской агрессии предназначалась Турции. Случись нечто подобное лет тридцать назад, когда англо-турецкая дружба цвела и пахла – британцы, несомненно, восприняли бы такое усиление русского флота враждебно... Но сейчас, по мере сближения Второго Рейха и Оттоманской Порты, британцы стали поглядывать на Больного Человека Европы с усиливающимися подозрением и недружелюбием. Но по большому счету, коалиция, которая должна была противостоять наглости Центральных держав, к началу 1907 года еще не сложилась. Уж слишком сильно британцы, да и французы, оказались напуганы и сбиты с толку предшествующими событиями. Все застыло в неустойчивом

равновесии и от дуновения ветра могло качнуться в любую сторону.

Часть 25. Выбор пути

1 марта 1907 года, 12:05. Санкт-Петербург, Зимний дворец, кабинет Канцлера Российской Империи.

В этот знаменательный день, третью годовщину появления в Тихом океане отряда кораблей из будущего, в кабинете у канцлера Одинцова собралась вся верхушка Империи. Сначала к Павлу Павловичу прибыла императрица Ольга Александровна в сопровождении князя-консорта и командующего корпусом морской пехоты генерал-майора Александра Новикова, а также своей первой статс-дамы (и супруги канцлера) Дарьи Одинцовой. Вслед за ними в кабинет вошел долговязый как коломенская верста Великий князь Михаил Александрович, а следом – замглавы СИБ (внутренняя безопасность) полковник Евгений Мартынов и его коллега (руководитель заграничной разведки) полковник Игорь Баев. Еще чуть позже с Финляндского вокзала на экипаже прикатили канцлер великого княжества финляндского капитан первого ранга Михаил Иванов и экс-император, а ныне Великий князь Финляндский Николай Романов со своей второй супругой Аллой Романовой-Лисовой. На этом список почетных гостей был исчерпан, так как самые важные персоны были уже в сборе. Один только Великий князь Финляндский чувствовал себя в этом собрании неуютно, как кот на собачьей свадьбе. Но положение обязывает. Если бы его супруга поехала на эту встречу одна, это выглядело бы по меньшей мере неприлично.

Конечно, с такой юбилейной целью удобнее было бы собраться в Малахитовой гостиной, но данное мероприятие планировалось не только как фуршет, но и как совещание в ограниченном кругу Малого Совета. И если кабинет канцлера по нынешним временам имел надежную защиту от прослушки, то о Малахитовой гостиной этого сказать было нельзя.

Разговор начал канцлер Одинцов.

– Очень жаль, что нельзя вытянуть сюда с Цусимы товарища Карпенко... – сказал он.

– А почему нельзя? – пожал плечами Новиков. – Если Сергей Сергеевич нужен тебе здесь, то вытягивай. Степан Александрович (бывший старший офицер на «Трибуце») уже созрел и для наместничества, и для командования отрядом крейсеров. Только вот скажи, Павел Павлович – для чего тебе здесь понадобился контр-адмирал Карпенко?

– Ближайшие двадцать-тридцать лет все основные события местной истории будут разворачиваться на европейском театре военных действий, – пояснил Одинцов, – поэтому держать на Дальнем Востоке нашего лучшего специалиста по морским делам мне представляется неразумным. Михаил Васильевич (Иванов), при всем к нему уважении, у нас все же больше дипломат, нежели флотоводец.

– Что есть, то есть, – усмехнулся канцлер Великого княжества Финляндского, – да и по первой своей специализации я происхожу из подплава, и тактику надводных сражений знаю довольно приблизительно... Бой при Порт-Артуре – целиком заслуга Сергея Сергеевича. Он его спланировал, и он же командовал парадом; моим же делом было держать строй и поражать намеченные цели. Воодушевление и упоение боем, конечно, присутствовали, но не более того. Даже не знаю, сумел бы я повернуть нечто подобное, ведь, как говорит адмирал Дубасов, тот бой был крайне мало похож на классическое линейное сражение, и именно поэтому адмирал Того впал в ступор, который стоил ему проигранной битвы и самой жизни.

– А что Того мог сделать после того, как Сергей Сергеевич на все сто процентов сумел реализовать качественное превосходство и эффект внезапности? – пожал плечами полковник Баев. – Он даже не понимал, какой козырь ляжет на стол в следующий момент, и потому мог только реагировать на действия наших кораблей, и не догадываясь, что этот бой был проигран еще до его начала. Но, в любом случае, я с Павлом Павловичем абсолютно согласен. Есть сведения, что англичане уже стягивают свои силы из колониальных морей во флот Метрополии, поэтому и адмирал Карпенко нужен нам здесь и сейчас. Вопрос только в том, стоит перегонять сюда еще и «Трибуц» с «Быстрым» или же будет достаточно одного адмирала Карпенко.

– После исчерпания боезапаса оба этих корабля не будут иметь ровным счетом никакой ценности, за исключением роли музейных экспонатов – сказал каперанг Иванов. – Кроме того, к кораблям из будущего приковано особое внимание, и их перевод на Балтику, несомненно, встревожит наших, гм, оппонентов, что

преждевременно.

Императрица переглянулась с князем-консортом – и тот кивнул, показывая, что тоже согласен с последним оратором.

– Значит, быть посему, – твердо сказала Ольга. – Мы вызовем Сергея Сергеевича Карпенко пред наши светлые очи, чтобы наградить его по заслугам за верную службу Государству Российскому. Но только скажите, Павел Павлович – какую службу мы ему предложим, ибо просто состоять в Нашем Малом Совете будет для этого человека недостаточно?

– На Балтике со всеми задачами вполне справится адмирал фон Эссен, которого мы сейчас усиленно готовим к этой роли, – сказал канцлер. – На Черном море у нас есть адмирал Эбергард, который справлялся в прошлый раз и справится сейчас, особенно если в его распоряжении будет эскадра быстроходных карманных линкоров, от которых не уйдет никакой «Гебен». Думаю, что вице-адмирала Карпенко следует назначить командующим Северным Арктическим флотом, который нам еще предстоит создать. Железную дорогу к берегам Мурмана мы протянули без особой спешки, а не как в ТОТ РАЗ, в разгар войны, задыхаясь от транспортной блокады. Ведь совершенно очевидно, что с началом боевых действий обычные транспортные пути через Датские и Черноморские проливы окажутся для нас закрытыми, а нормальные транспортные коммуникации с союзниками – это одна из составляющих успеха.

– Так все же, Павел Павлович, – хмыкнул генерал-майор Новиков, – в грядущей войне у нас будут союзники или, как предполагалось первоначально, мы будем драться против всей Европы в одиночку?

– Союзники будут, – ответил Одинцов, – желание Германии доминировать в Европе не нравится ни Лондону, ни Парижу. Только вот качество их дружбы проходит по категории «третий сорт не брак». В грядущей войне они будут стремиться только к достижению своих целей, среди которых не только разгром и унижение Германии, но и всемерное ослабление России.

– Павел Павлович, у меня есть вопрос, – сказал полковник Мартынов, – скажите, что мы будем противопоставлять лозунгу, скажем так, радикальной оппозиции, о том, что «России эта война не нужна»?

– Такие лозунги появляются далеко не сразу, – ответил принц-консорт, – а только после того, как война затягивается и превращается в набившую оскомину рутину, не приносящую ничего, кроме все новых и новых похоронок. Мы ни в коем случае не должны допускать ничего подобного той унылой бойне, которую в нашем прошлом учинил присутствующий здесь уважаемый Николай Александрович...

– Александр Владимирович, вы несколько неправы, – вступилась за своего супруга Лисовая, – основную роль в срыве планов начального периода войны сыграл тогдашний главком Великий князь Николай Николаевич младший, воспринявший союзнический долг как непосредственное подчинение всем капризам и желаниям французского командования...

– А этого Николай Николаевича, – пустозвона и краснобая, на должность главкома кто назначил? – мотнул головой Новиков. – Пушкин, что ли? Первое лицо – император, генсек или президент – всегда ответственно за то, что творится в стране, будь то проигранные сражения или Ленский расстрел...

– Вот именно поэтому, мой дорогой, никаких Николай Николаевичей в Нашем командовании и близко не будет, – кивнула императрица. – Если случится война, главкомом Мы собираемся назначить нашего брата Михаила, к которому испытываем безграничное доверие, а в помощниках у него будешь ты и многие иные генералы из молодых, хорошо зарекомендовавшие себя в ВАШЕЙ Первой Мировой Войне...

– Но, Ольга! – воскликнул Великий князь Михаил. – А как же...

– Что Ольга, Миша?! – вскинула голову императрица. – Я уже двадцать пять лет Ольга, и два с половиной года правлю этой страной как Самодержица Всероссийская. На чью помощь я при этом могу рассчитывать безоговорочно и безоглядно? На своего канцлера и учителя, на своего мужа и защитника, на свою подругу и первую статс-даму, а также на тебя – своего любимого брата. А ты, вместо того чтобы брать на себя ответственность, соответствующую высокому званию Великого князя и Нашего брата, рвешься махать шашкой в первых рядах. Нехорошо получается, брат. Очень нехорошо.

– А ведь в Манчжурии у тебя неплохо получилось, – сказал Новиков. – Никто, кроме тебя, не смог бы с такой легкостью застроить генеральскую камарилью, и

в итоге, когда приехал Линевиц, ты сдал ему армию если не в полном порядке, то в близком к тому состоянию. А потом под Тюренченом... Ведь это ты подготовил все условия для победы, обуздал дерзких, вразумил глупых и возглавил храбрых. Тот оглушительный успех есть исключительно твоя заслуга.

Михаил посмотрел на Новикова с тоскливым выражением на лице, будто говоря: «И ты тоже, Брут?!», и спросил:

– А как же ты, Александр Владимирович, неужели при всем при этом был совсем ни при чем?

– Я был твоим другом и советчиком, – ответил генерал-майор Новиков, – а еще твоей тяжелой правой рукой; но тот дух, который превращает большие массы вооруженных людей в армию, исходил именно от тебя. Когда мы начнем планировать войну (ведь мы точно знаем, что она неизбежна как приход лета), нам должно быть точно известно, кто будет исполнять все эти планы. Ты не обижайся, Михаил, но должность главкома создана именно для тебя, а я, как и в Манчжурии, опять буду твоей правой рукой. А конной армией, если позволит матушка-императрица, пусть командует генерал Келлер Второй[1 - В русской армии и на флоте (особенно на флоте, в связи с немногочисленностью личного состава) офицеров-однофамильцев нумеровали по старшинству. Герой Тюренчена Федор Эдуардович Келлер на семь лет старше своего двоюродного брата Федора Артуровича Келлера, о котором говорит Новиков. По убеждениям этот человек был монархистом и патриотом, графом по титулу, генерал-майором по званию и кавалеристом по военной специальности. Слава первой шашки России что-нибудь да значит. А еще граф Келлер был талантливым командиром, хорошо понимающим роль разведки и контрразведки в современной войне, и по большей части успехи вверенных ему соединений объяснялись именно этим. Враг никогда не мог выведать, где и когда русская кавалерия нанесет ему удар, и в то же время Келлер знал о противнике все.]].

– Матушка-императрица позволит, – кивнула Ольга. – Федор Артурович – мало того что очень хороший командир без всяких признаков гнильцы, еще и очень нравится моей маман. Если я окажу ему доверие, то буду иметь с ее стороны всяческое благоволение. Не то что в случае с вашими так называемыми «красными» выдвиженцами, из которых только есаул Миронов имеет нормальный офицерский чин. Уж сколько я от нее наслушалась насчет того, что мы тянем наверх людей, в другом мире изменивших присяге и государю...

– Действительно, Ольга, – сказал вдруг очнувшийся от ступора экс-император, – если была гражданская война, то прославленные командиры должны быть как со стороны якобинцев, так и у монархистов.

Канцлер Одинцов пожал плечами.

– Ну что мы можем поделать, если гражданская война шла не между якобинцами и монархистами, а между якобинцами и жирондистами, – сказал он. – Деятельность вашего бывшего величества так надежно отвратила людей от монархической идеи, что верны ей остались только такие упрямыцы как Федор Артурович Келлер. К тому же «герои» той войны с белой стороны в плане военного таланта не представляют из себя ничего особенного, а к таким персонажам, как Краснов и Шкуро, пошедшим в услужение к Гитлеру, хочется прикасаться только раскаленным железом. К тому же, в отличие от генерала Келлера, большинство из них, находясь в генеральских чинах, изменили присяге и государю с не меньшей прытью, чем отъявленные революционеры, как, например подчиненный и преемник графа Келлера генерал Крымов.

– Ты, Ники, не обижайся, – сказала императрица опечалившемуся брату, – здесь, в узком кругу, среди своих, каждый скажет тебе в глаза правду. Они и мне говорят все что думают, если я вдруг сморожу какую-нибудь глупость. И я не обижаюсь. Если мы перестанем говорить друг другу правду, то в этом дворце снова поселятся интриги, обман и измена. Ты знаешь, сколько людей в твоём окружении говорили тебе то, что ты хотел от них слышать, и в то же время, если не точили нож, чтобы воткнуть тебе его в спину, то действовали исключительно в своих личных интересах, а не в интересах нашей семьи и Государства Российского? Но такая откровенность у нас только в узком кругу, а за его пределы о тебе не просачивается ни полслова. На каждый роток, конечно, не накинешь платок, накуролесил ты немало, но специально тебя при этом никто не топит.

– Да, – сказал экс-император, – я это понимаю и благодарен тебе за то, что мне не вспоминают былое и благодаря этому моим девочкам не приходится расти в атмосфере травли. Но все же очень неприятно осознавать, что среди собравшихся здесь людей дела, верно служащих России и твоему престолу, я один являюсь чистой воды балластом, не годным ни на что, кроме как играть роль Великого князя Финляндского...

– Это тоже весьма важная роль, – сказала Ольга. – Благодаря твоему спокойному выдержанному поведению нам удалось организовать вполне цивилизованную передачу власти и свести смуту, вызванную мятежом Владимировичей, к самому минимуму. А это, как говорил один политический персонаж в будущем, дорогого стоит. Но хватит об этом. Мы собрались здесь, чтобы с полной откровенностью поговорить о грядущей Великой войне и о том, что мы должны сделать, чтобы воспользоваться ситуацией и свести ее негативные последствия к минимуму.

– В первую очередь, прежде чем обсуждать все остальное, необходимо решить вопрос союзников, – сказал Канцлер Империи. – Совершенно очевидно, что в настоящий момент французы собираются вести войну с Германией на суше, а англичане на море, и это две настолько разные войны, что они совершенно не требуют координации между собой. И если Франция рассчитывает на то, что Россия свяжет боем значительную часть германской армии, англичане нас гордо игнорируют, потому что наш Балтийский Флот сможет оттянуть на себя германские корабли только в самой минимальной степени. Правда, после того как в строй вступят четыре наших новых линкора, соотношение сил изменится, но с точки зрения британского адмиралтейства этого будет недостаточно. Исходя из этого, Франция желает возобновить между нами те отношения, которые имелись до русско-японской войны, причем на любых условиях, а вот англичане хотят обвесить союзное соглашение разными финтифлюшками, вроде признания нами их зон влияния в Персии и Афганистане.

– И при этом и у французов и у англичан, есть «План Б», – сказал полковник Баев, – на тот случай, если союзного соглашения с Россией достичь не удастся. В общем виде этот план заключается в том, что Германию, Австро-Венгрию и Турцию спровоцируют на внезапное и одновременное нападение на Россию. А поскольку мы просто так не дадимся и будем биться насмерть, то нанесем агрессорам тяжелейшие потери, выбив у них лучших из лучших и изрядно перекалечив остальных. При этом англичане с французами будут нас поддерживать торговлей через тот же Мурманск, чтобы мы подольше сопротивлялись немцам. И когда они увидят, что Второй Рейх и его союзники существенно ослабли, а Россия находится на последнем издыхании, то французские армии и британский флот переходят в наступление и ставят Германии мат в два хода...

– Такая комбинация может привести к тому же, к чему привела авантюра Чемберлена и Даладые в сороковом году, – сказал Одинцов. – Вильгельм не дурнее Гитлера и догадается ударить по Франции на опережение.

– Возможно, он и не дурнее, – ответил полковник Баев, – но что произойдет, если война будет спровоцирована внезапно даже для германского командования, и оно просто не успеет нанести свой упреждающий удар до начала войны с Россией?

– Игорь Михайлович, говоря о внезапной провокации, вы имеете в виду нечто вроде Сараевского инцидента? – спросила императрица Ольга.

– Так точно, Ваше Императорское Величество, – подтвердил начальник заграничной разведки. – У меня есть вполне обоснованное подозрение, что убийство эрцгерцога Фердинанда, одного из самых приличных членов австрийского императорского дома, было совершено по наущению французской или британской разведки. Кроме того, самих выстрелов в Сараеве оказалось мало. Австрийцы тоже далеко не сразу пошли на объявление войны. Австрийцы предъявили Сербии ультиматум только через месяц после случившегося убийства, и все это время, как я понимаю, послы «дружественных» России держав убеждали престарелого Франца-Иосифа в том, что император Николай не посмеет вступить за Сербию, как он не вступил за нее в тот момент, когда австрийцы аннексировали Боснию и Герцеговину. Что касается планов Германского генштаба, то, согласно им, война должна была начаться только в восемнадцатом году, когда будет достроен могучий флот, способный бросить вызов Владычице Морей.

– Именно поэтому, – сказал принц-консорт Новиков, – если нам все же доведется воевать, то война эта должна начаться не когда попало и не по желанию наших тайных и явных врагов, а в тот момент, когда мы к ней уже готовы, а противник еще нет. Чтобы избежать негативных нюансов, необходимо взять под контроль процессы на Балканах. Ведь помимо Сербии, креативные британские джентльмены могут использовать для провокации и Болгарию. Например, в Первую Мировую может вылиться аналог второй балканской войны – разумеется, в том случае, если Болгария догадается заключить союзный договор с Австро-Венгрией. В другом варианте сербские террористы могут убить не Франца Фердинанда из Австро-Венгрии, а просто царя Фердинанда из Болгарии.

– И это тоже вполне возможно, – согласился Одинцов. – Сербия и Болгария и без того друг друга не очень любят, а при активной австрийской и британской «помощи» эта нелюбовь может перейти в лютую вражду. Крайне не хотелось бы, чтобы русская армия была вынуждена воевать против Болгарии. Из этого надо сделать вывод, что помочь нам должен тот, кто нам сейчас мешает. То есть

некто капитан Драгутин Димитриевич по кличке Апис, то есть Бык, играющий весомую роль в сербской тайной политике и разведывательно-диверсионных операциях против недружественных Сербии сопредельных стран, преимущественно Австро-Венгрии...

– Это такой здоровенный тупой жлоб, который считает, что если сила и связи есть, то ума уже не надо, достаточно примитивной хитрости? – усмехнулся Новиков.

– Он самый, Александр Владимирович, – согласился полковник Баев, – помимо всего прочего, этот Апис был активным участником и, возможно, организатором заговора по убийству прежнего сербского короля Александра Обреновича, занимавшего проавстрийскую позицию. Тогда тоже все стояло на грани войны, но обошлось, что доказывает только то, что в тысяча девятьсот третьем году общеевропейская война не входила в замыслы французских и британских политиков и они не стимулировали императора Франца-Иосифа к излишней активности. Но главное заключается в том, что этот Апис едет в Россию. Как нам удалось выяснить, он является вашим пламенным поклонником, ибо рассчитывает, что его Сербия с помощью обновленной вами России обретет истинный суверенитет и величие, объединив вокруг себя все земли Балканских славян. И, несомненно, он будет искать личной встречи как с вами, так и с присутствующим здесь Великим князем Михаилом Александровичем.

– Да уж... после такого заявления хочется пойти и помыть руки, – сказал Новиков. – Я понимаю, что этим молодым сербским офицерам не нравилась королева Драга, только вот зачем было так необходимо отрезать сиськи этой немолодой уже женщине? Но, в любом случае, государственные интересы будут выше моих личных чувств. Скажите, Павел Павлович, мне играть этого Аписа втемную или вербовать совершенно открытым способом?

– Вербуйте открыто, – посоветовал Одинцов, – темной игры с вашей стороны этот человек просто не поймет. По британской классификации вы у нас «Воин Пришельцев», поэтому ведите с ним разговор как один воин с другим. Союзник из Сербии совершенно никакой, но зато братушки искренне отдаются чувству дружбы с Россией, чего нельзя сказать об англичанах и французах. В любом случае наш главный удар в грядущей войне должен быть нацелен не на Германию, которая противник достаточно серьезный, а на Австро-Венгрию, являющуюся в составе центральных держав самым слабым звеном. В таком случае мы сможем удерживать укрепленную линию на германской границе (что

можно делать совершенно ничтожными силами) и одновременно, собрав в кулак все подвижные соединения постоянной готовности, сокрушить Австро-Венгрию, в результате чего заставим ее выйти из войны. Тогда, оставшись с Россией один на один, Германская империя станет вести себя значительно сдержаннее, даже если политика Франции окажется образцом пассивности и выжидания.

– Понятно, Павел Павлович, – кивнул Новиков, – должен сказать, что полностью с вами согласен. Но это не план войны, а только его предпосылки. Прежде чем приступить к непосредственному планированию, необходимо решить вопрос с союзниками и поиском возможности спровоцировать конфликт в заранее запланированный отрезок времени... А то меня что-то не особо прельщает перспектива того, что мы с целью прикрыть свою умственную ограниченность начнем направо и налево расшвыривать по Европе ядерные «Калибры» из ракетных шахт «Иркутска». Нет уж, давайте делать все по-взрослому, чтобы обойтись без столь сильных средств.

– Должен сказать, – произнес Одинцов, откашлявшись, – что нас не устроит нагромождение двухсторонних договоров, каким была Антанта в НАШЕМ прошлом. В результате Великобритания вступила в войну только потому, что, некритично следуя плану Шлиффена, германские армии первыми нарушили нейтралитет Бельгии. Но дело в том, что тот же нейтралитет точно так же собиралась нарушить Франция. Ее четвертая армия была расположена так, что могла вступить в бой только совершив марш через территории Бельгии и Люксембурга. Французов это все равно бы не спасло, поскольку германский охват их фланга был на сотню километров шире, но что бы в таком случае делала Великобритания: промолчала или вступила бы в войну на стороне Германии?

– Дурацкий вопрос, – мотнул головой Новиков, – вы, Павел Павлович, прямо как маленький. Великобритании нужна была затяжная война, в которой ее геополитические конкуренты – Франция, Германия и Россия – занимались бы взаимным истреблением, а сами джентльмены оставались бы при этом в стороне. И в войну они вступили не из-за порушенного нейтралитета Бельгии, а потому, что одна из сторон этой войны рисковала потерпеть быстрое и фатальное поражение, а следовательно, никакого истощения Германии не получалось. Положение требовалось спасти, и тогда англичане влезли в эту бойню самолично. Не представляю, что они будут делать в том случае, если быстрое поражение с первых дней войны начнут терпеть Центральные Державы? Неужели вступят в войну против вчерашних союзников?

– Это, кстати, не исключено, – ответил Одинцов. – Впрочем, сейчас не сто лет тому вперед, и адмирал Фишер и иже с ним прекрасно понимают, что британский королевский флот не в состоянии нанести России сколь-нибудь серьезного ущерба – только легкую досаду, которая будет достигнута непомерно высокой ценой.

– В таком случае трехсторонний договор заключить не получится, – сказал Новиков, – потому что англичане в большей степени, а французы в меньшей, захотят сохранить за собой свободу момента вступления в войну.

– Ну, это еще бабушка надвое сказала, – авторитетно заявил полковник Баев, – Французы ужасно боятся вероломного удара немцев без объявления войны, и даже без внешнего обострения политической обстановки. Им стало известно, что в германском генштабе уверены, что успеют полностью сломать Францию еще до того, как Россия закончит всеобщую мобилизацию и подтянет войска к границе... Но и при этом французы будут стараться заключить договор таким образом, чтобы Россия непременно пришла им на помощь, а они бы еще имели возможность выбирать, вступать им в войну с Германией после ее нападения на Россию или нет.

– Этот политический выкрутас образца тридцать девятого года мы помним, – сказал Одинцов, – и постараемся использовать страхи Франции для того, чтобы избежать подобных формулировок. Значительно хуже то, что Британия Германию не боится, а всего лишь опасается, и выкрутить джентльменам руки подобным образом уже никак не получится. Нас на берегах Туманного Альбиона опасаются ничуть не меньше.

– Думаю, опасения британцев в наш адрес могут быть сняты, – прервала свое молчание императрица Ольга, – если в Соглашении о создании англо-франко-русского союза будет заранее прописан принцип признания существующих колониальных владений и раздел территорий враждебных держав на потенциальные сферы влияния. Я напишу об этом своему дядюшке Берти, который, возможно, больше других британских политиков понимает угрозу германского милитаризма. В противном случае, без британского участия в антигерманском альянсе, наши главные противники – Второй Рейх, Австро-Венгрия и Турция – сохранят торговые связи с внешним миром, и чего победить их будет уже гораздо сложнее.

– И это еще мягко сказано, – подтвердил канцлер Одинцов, – если мы проявим хоть малейшую нерасторопность, в Европе разразится та самая затяжная бойня, которую так жаждут заполучить некоторые британские политические круги. К тому же ваш дядя Берти банально может и не дожить до начала мировой войны, а без него британское правительство способно решить, что соглашения с русскими не обязательны для исполнения, и англичане, чтобы обнулить свои обязательства, опять могут попробовать учинить у нас нечто вроде Февральской революции.

– Февральской революции? – удивленно переспросил экс-император Николай. – Я правильно понял: вы думаете, что смуту в России устроили союзники как раз в тот момент, когда она находилась на самом пороге победы?

– Именно так, Николай Александрович, не удивляйтесь, – подтвердил полковник Мартынов. – Чего только не сделают джентльмены, лишь бы не отдавать России положенные ей Босфор и Дарданеллы. Но ЗДЕСЬ им не ТАМ. И при малейшей попытке внести возмущение извне мы быстро пооткручиваем все буйные головы, а потом найдем способ поквитаться и с бенефициарами этакой неумной затеи...

– И об этом я тоже напишу дядюшке Берти, – сказала Ольга. – Кроме того, приглашу его посетить Санкт-Петербург с родственным и дружеским визитом. Быть может, профессор Шкловский и его коллеги найдут способ продлить вполне достойное существование нашего дяди. И пусть возьмет с собой лорда Фишера и сэра Грея: покалякаем на завалинке в неофициальной обстановке о том международном положении, которое на данный момент сложилось...

12 марта 1908 года. 17:06. Великобритания, Лондон, Белая гостиная Букингемского дворца.

Присутствуют:

Король Великобритании Эдуард VII (он же для друзей и близких Берти);

Премьер-министр Его Величества – Генри Кэмпбелл-Баннерман;

Министр иностранных дел – сэр Эдуард Грей;

Первый лорд адмиралтейства – адмирал Джон Арбенотт Фишер (он же Джеки).

Получив письмо от племянницы, король Эдуард на пару дней впал в благородную задумчивость. Как-никак, несколько месяцев назад ему стукнуло шестьдесят пять, а в таком возрасте можно и немного подремать на троне. Но истинной причиной несколько замедленной реакции был не возраст, а содержимое письма, требующее тщательного осмысления. Два с половиной года назад, сразу после неудачной попытки мятежа Владимировичей, взошедшая на российский трон императрица Ольга до минимума ограничила дипломатические контакты. Британские дипломаты будто попали в какой-то заколдованный ведьмин круг. От них шарахались как от зачумленных, тем более что министром иностранных дел Российской империи был назначен Петр Дурново, явный англофоб и германofil, при котором бывшее влияние британской дипломатии сошло до нуля.

Поговаривали, что каждого российского подданного, вступившего в контакт хоть с самым мелким британским посольским клерком, сразу же вызывали на допрос в СИБ. А спрашивать там умели. После разгрома репрессий, случившегося после попытки переворота, значительная часть аристократов была арестована, а потом отправлена на каторгу, другие же выехали «на воды» в Европу с запрещением возвращения на территорию Российской Империи, третьи не любили ни англичан, ни французов, придерживаясь прогерманской ориентации. Одним словом, существование британской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге превратилось в чистой воды фикцию. Дипломатические работники и чиновники занимали свои посты, получали жалование, но выхлоп от их работы оставался ничтожным.

Опозорившегося британского посла, мистера Гарднинга, из Санкт-Петербурга при этом никто не высылал. Все понимали, что этот представительный снаружи и пустой внутри мужчина в красивом, расшитом золотом мундире, похожем на униформу швейцара из дорогого ресторана, аристократ, женатый на собственной двоюродной сестре (одним словом, джентльмен) сам по себе не значит ровным счетом ничего. Для того, чтобы делать политику, существуют вторые-третьи секретари, для грязных дел – расходный материал в виде «мистеров Роджерсов», а посол (по крайней мере, такой как мистер Гарднинг) только покрывает это безобразие блеском своего золотого шитья.

Очевидно, это понимали и в Лондоне, потому что, промаявшись так два года, бывший британский посол убыл обратно на Туманный Альбион, причем с

повышением аж на должность замминистра, а вместо него в Санкт-Петербург прибыл Артур Николсон – человек, более практически приспособленный к проведению политики вечных британских интересов. Но и он попал в такую же блокаду, что и его предшественник. Правительство императрицы Ольги и канцлера Одинцова всячески избегало хоть малейших контактов с британскими дипломатами. Даже адмирала Ноэля, когда по его делу закончилось следствие, передавали британской стороне через французское посредничество. Единственным плюсом от такого положения дел для Великобритании оставалось сохранение лица и возможность возобновления дел при пожелании с русской стороны.

И вот это пожелание русских улучшить отношения, наконец, явилось свету. В своем письме русская императрица писала, что сейчас, когда фекалии, взбаламученные неумными действиями предыдущей правительственной команды, осели на дно, настало время, чтобы встретиться и определить, какие интересы у двух стран реально совпадают, по каким вопросам можно договориться и где проходят так называемые красные линии, которые не стоит пересекать, чтобы не доводить дело до серьезного конфликта. Попутно прозвучало опасение относительно постоянно растущей германской мощи. Мол, набираясь сил, сумрачные тевтонские гении все чаще с вожделием смотрят на чужое – и неважно, это украинские степи или заморские британские колонии.

В наше время, получив такое письмо, президенты незамедлительно собирают совет безопасности, где и обсуждают полученную информацию. В Британии начала двадцатого века такого обычая не водилось. Вместо того король пригласил премьер-министра, министра иностранных дел и первого лорда адмиралтейства к себе в Букингемский дворец на пятичасовой чай, чтобы посвятить их в содержание письма русской императрицы и обменяться мнениями.

Выслушав сообщение короля, премьер-министр Генри Кемпбелл-Баннерман только пожевал губами. Несмотря на то, что это был один из умнейших людей своего времени (и в куче навоза иногда попадаются жемчужные зерна), британский премьер был стар, одолеваем множеством болезней и тянул свой воз из последних сил. Пока он думал, что сказать, первым начал говорить его подчиненный.

– Я думаю, Ваше Королевское Величество, – произнес сэр Эдуард Грей, – что этот демарш русской императрицы никак не связан с нашими усилиями по

нормализации отношений с Россией. Просто, по мнению русских, для этого пришло время. К сожалению, мы не понимаем ни мотивов, которыми руководствуется команда, собравшаяся вокруг молодой императрицы Ольги, ни конечных целей этих людей. Не то чтобы они были умнее нас, просто выходцам из будущего ведомы вещи, которые скрыты от нас колеблющимся туманом времени. Поэтому мы удивляемся тому, что иногда они разбрасывают камни, а потом вдруг усиленно начинают их собирать.

– Это мы понимаем и без вас, – проворчал король, – знание будущего – как во всех подробностях, так и общих закономерностей истории – дает русским значительное преимущество. Вот вы сказали, что русские считают, что пришло время мириться с Британией. Не значит ли это, что впереди нас ждет нечто такое, по сравнению с которым все предыдущие войны покажутся детскими забавами?

– Российская империя явно готовится к большой европейской войне, – четко акцентируя слова, сказал адмирал Фишер. – Если судить по морским вооружениям, то основным противником русских на Балтийском море будут Германия и Швеция. Линейные корабли, которые они там строят, имеют небольшую осадку и мощный носовой залп, что предпочтительно для схваток в узостях проливов. На Черном море то же самое, только там главным противником русских станет Турецкая империя. На суше, как докладывает специальное разведывательное бюро, усиленно строятся и модернизируются крепости, перекрывающие основные пути для продвижения вглубь русской территории, а пространство между ними перекрывается линиями полевой обороны, которые подобно Великой Китайской Стене тянутся на многие сотни миль (что пока не делал еще никто и никогда). Чтобы заполнить эти укрепления войсками, понадобятся миллионы солдат и тысячи артиллерийских орудий.

– Так значит, Германия... – удовлетворенно кивнул король. – Наш племянник Вилли в последнее время стал позволять себе много лишних слов. И, очевидно, русским известно, что это у него не просто отрывка после несвежих сосисок.

– Германский кайзер считает, что его государство набрало уже такую мощь, что способно бросить вызов одновременно России на суше и Британии на морях, – сказал адмирал Фишер. – Германия третьей после Великобритании и России вступила в линкорную гонку, и сейчас на ее верфях со всей возможной поспешностью закладываются корабли этого нового класса...

– Скажите, Джеки, – король скептически скривил губы, – а какой проект лучше: ваш или русских?

– Не знаю, Берти, – тяжело вздохнув, ответил адмирал, – но подозреваю, что русских. То, что удалось узнать нашей разведке, говорит, что это взвешенный продуманный проект, опирающийся на значительный предшествующий опыт, которого у наших инженеров, к сожалению, нет. В остальном достоинства и недостатки корабля может показать только бой, а русские ведут себя так, будто знают, что этот бой непременно грянет.

– Ну хорошо, – сказал король, – во время поездки в Санкт-Петербург я попрошу, чтобы нам показали один из таких кораблей. Может быть, вы вынесете из этого визита для себя много полезного.

– Боюсь, Берти, что единственным моим чувством будет белая зависть... – ответил королю адмирал Фишер.

– Так все же, Ваше королевское Величество, вы решили принять предложение своей племянницы и поехать в Россию? – немного подумав, спросил Эдуард Грей.

– А почему бы и нет? – пожал плечами король, – письмо русской императрицы – это верх недосказанности, и в то же время оно наводит на очень интересные мысли. В ближайшие годы Германская империя кайзера Вильгельма может стать такой же угрозой мировому порядку, какой когда-то была империя Наполеона Бонапарта, и бороться с этой опасностью требуется не поодиночке, а вместе. Моя покойная мать была просто одержима враждой к России, и я подозреваю, что на это у нее имелись свои чисто личные причины. Но сейчас ее с нами нет, и курс государства требуется менять, чтобы Британия могла проводить политику, адекватную текущему моменту.

– Мой предшественник, – наконец-то заговорил Кемпбелл-Баннерман, – планировал ослабить Россию в русско-японской войне, а потом использовать ее в качестве младшего партнера в антигерманском альянсе. Теперь я вижу, что все произошло почти наоборот: Россия не ослабла, а усилилась, но главное в этом то, что канцлер Одинцов и иже с ним ищут союза с нами, а не с кайзером Вильгельмом. Русско-германский альянс в любом случае был бы направлен против Британии, и этот шаг русских мог бы стать для нас смертельным.

– Русско-французский альянс тоже первоначально был направлен против Британии, – сказал Эдуард Грей, – но потом французское правительство явно дало понять, что не будет противодействовать нашим интересам...

– За что их и наказали понижением уровня союзных отношений, – хмыкнул адмирал Фишер. – Но и только. Без защиты остались только французские колонии, а прямое нападение Германии на Францию по-прежнему должно привести ее к войне с Россией. И сделано это было не из какой-то особой любви к французам, а потому, что еще тогда, три года назад, русская верхушка понимала, что Германия, если предоставить ей возможность творить все что заблагорассудится, может стать угрозой значительно большей, даже чем Япония.

– И именно этот шаг русских привел к тому, что Германия стала все больше и больше денег вкладывать в военный флот, – парировал Эдуард Грей. – Воевать в колониях без флота невозможно, и для того, чтобы хотя бы оспорить у французов одно лишь Марокко, требуется множество боевых кораблей.

– Ну, это естественно, – пожал плечами король Эдуард, – ресурсы Германии не бесконечны, и чем сильнее будет ее флот, тем слабее окажется армия. Теперь уже нам следовало бы понять, какую политику проводить дальше. По-прежнему придерживаться нейтралитета, благосклонно взирая на усиление Германии (или даже вступить с ней в альянс, как того хотят некоторые германские круги, обещающие нам долю от добычи) или же согласиться на предложение моей племянницы и сблизиться с Россией?

– Я за второй вариант, – ответил адмирал Фишер, – по крайней мере, его надо попробовать. Нам прекрасно известно, что адмирал Тирпиц, этот апологет германской морской мощи, за следующие десять лет планирует догнать и перегнать наш королевский флот как по количеству кораблей, так и по суммарному весу бортового залпа.

– Я тоже за то, чтобы прекратить вражду с Россией, – сказал Эдуард Грей, – во время грядущих переговоров мы должны взаимно зафиксировать, что кому принадлежит в настоящий момент, а также определить сферы влияния и цели грядущей войны. Как когда-то союз Британии и России низверг империю Наполеона Бонапарта – точно так же сейчас необходимо сокрушить и бросить в прах империю Гогенцоллернов, это уродливое образование, возникшее буквально на наших глазах из множества независимых королевств и княжеств.

То, что быстро выросло, так же быстро можно и разрушить. И сделать это предстоит именно русской армии, ибо сверхброненосцы адмирала Фишера не смогут вторгнуться на пространства центральной Европы.

– Скажите, а почему в качестве предполагаемых могильщиков Германской империи вы не упомянули французов, которые тоже до крайности не любят немцев? – спросил адмирал Фишер.

– Французы храбрытся изо всех сил, но внутри у них пустота, – ответил британский министр иностранных дел. – Прошлые их столкновения с Германией показали, какова истинная ценность французской армии на поле боя. Русские, напротив, в совсем недавней войне сумели разгромить превосходящую их японскую армию, обученную по лучшим европейским стандартам. При этом, в отличие от боевых действий на море, их армия действовала исключительно местным оружием и разгромила японцев только благодаря качеству своих командиров и мужеству солдат. Поэтому германскую армию тоже придется громить русским солдатам, в то время как наши моряки возьмутся за вражеский флот.

– Да будет так, аминь! – подвел итог разговору король Эдуард. – Итак, мы отправляемся в Россию. Со мной в Санкт-Петербург, помимо королевского семейства, пойдут министр иностранных дел и первый морской лорд адмирал Фишер. Премьер-министр останется дома на хозяйстве и будет беречь нашу корзину с хрупкими яйцами. Так как ваш «Дредноут», Джеки, еще не готов, то пойдём на одном из броненосных крейсеров нашего флота по вашему выбору. И вообще, у меня есть чувство, что за время поездки мы узнаем еще очень много того, что перевернет наше представление о смысле творящихся ныне событий.

20 марта 1907 года, 12:05. Санкт-Петербург, Балтийский завод.

Контр-адмирал Николай Оттович фон Эссен.

Еще неделю назад Николай фон Эссен в звании капитана первого ранга командовал эскадренным броненосцем «Слава» и в Кронштадте усиленно готовил его к летней кампании 1907 года. Но потом в его жизни случился вызов в Зимний Дворец на императорскую аудиенцию. Аудиенция была частной: помимо самой императрицы, присутствовали только ее супруг, брат Михаил, да

Канцлер Империи господин Одинцов – но это ничуть не умаляло пролившихся на него императорских милостей. Поздравив Николая Оттовича чином контр-адмирала, императрица вручила ему именной рескрипт о назначении его командующим дивизией новейших карманных линкоров, находящихся сейчас в достройке на петербургских заводах, при том, что на освободившихся стапелях уже лежали кили таких же линкоров второй, улучшенной серии. Удивительна была скорость постройки. От первой линии на чертежах до принятия в казну должно было пройти не более трех лет, в то время как иные корабли на российских верфях строились по восемь лет, непрерывно обрастая изменениями, дополнениями, удорожающими проект. Правда, Балтийского завода нарекание за долгострой не касалось ни в коей степени. При постройке последней серии классических броненосцев типа «Бородино» за пять лет там умудрились сдать три корабля (последним из которых как раз и была «Слава»), в то время как Новое Адмиралтейство и Верфь на Галерном острове за четыре года успели построить только по одному такому броненосцу.

Но прежде чем новоиспеченный контр-адмирал смог попасть к новому месту службы и своими глазами увидеть доселе секретные корабли, ему предстояла беседа в тесном мужском кругу с канцлером Одинцовым, Великим князем Михаилом и князем-консортом Александром Новиковым. Эти трое составляли высший эшелон власти, стоящий непосредственно у подножия трона; все троих он знал по маньчжурским делам: канцлера Одинцова меньше, а великого князя Михаила и супруга императрицы – больше. Последнего он уважал не только как храброго офицера и грамотного командира, обеспечившего решающий успех в Тюренченском сражении, но и как человека, который не поддавался соблазну влезть на трон и править вместо своей супруги. Князь-консорт не стал этого делать даже тогда, когда его супруга отдалась от дел, рожая своего первенца, цесаревича Александра Александровича, полного тезку своего августейшего отца. Какие отношения у императрицы и ее супруга за дверями спальни, не знает никто, но даже самые грязные языки не пытаются приписывать князю-консорту любовниц, а императрице любовников. По впечатлениям, полученным во время аудиенции, Николай фон Эссен мог сказать, что перед ним стояла не только Императрица Всероссийская, успешно правящая страной и обожаемая своими подданными (либеральное меньшинство в расчет не берем), но и счастливая в браке женщина, мать и жена.

Мужской разговор состоялся в кабинете канцлера Одинцова, где новоиспеченному адмиралу фон Эссену прежде бывать не доводилось. Все просто и крайне сурово. Длинный стол, несгораемый шкаф, портрет государыни Ольги на стене, ковровая дорожка, стулья для посетителей и кресло, в котором

обычно сидит императрица. Но главной особенностью этого кабинета являлась плотно закрывающаяся двойная дверь, обе створки которой изготовлены из тяжелого дуба, и не пропускают наружу ни единого звука. Гость этого кабинета не знал, что пространство под деревянными панелями было особым образом проложено слоями войлока, так что и стены были абсолютно звуконепроницаемыми. Еще бы – ведь здесь творилась политика и произносились слова, за знание которых в Берлине, Вене, Париже и Лондоне кое-кто, наверное, отдал бы правый глаз и левую почку в придачу.

– Итак, Николай Оттович, с сегодняшнего дня вы – контр-адмирал и командир дивизии карманных линкоров, – сказал канцлер Одинцов. – Не удивляйтесь этому определению ваших кораблей, оно дано на вырост, ведь в самом ближайшем времени броненосные корабли первого ранга значительно вырастут, и только наши балтийские и черноморские линкоры останутся такими же коротышками.

– Но почему, господин канцлер? – удивился фон Эссен, – неужели мы не могли построить такие корабли, которые не пришлось бы потом звать «коротышками»?

– Разумеется, могли бы, – кивнул канцлер, – но только нам нужны были не самые большие, или самые мощные корабли, а самые эффективные. Хорошая броневая защита, девять двенадцатидюймовых орудий в бортовом залпе и шесть в носовом, а также двадцать пять узлов скорости и вполне приличная маневренность при относительно небольшой осадке дают нам корабль, приспособленный к сражению в узостях проливов и лабиринтах островов, когда нужно отрываться от сильного противника и догонять слабого. Впрочем, сами корабли вы еще увидите, поговорите с корабельными инженерами, назначенными к их строительству, а сейчас я хотел бы поговорить о другом...

– Да, Николай Оттович, – сказал Великий князь Михаил, – мы хотим поговорить о том, для чего эти корабли предназначены – то есть о грядущей войне, в которой вам придется командовать своей дивизией, а может, и не только ею...

– Действительно, господа, – потирая софратовский лоб, сказал фон Эссен, – для меня было удивительным узнать, что сразу после завершения постройки серии броненосцев типа «Бородино» на верфях в Санкт-Петербурге были заложены броненосцы какого-то особого нового типа. Потом я предположил, что это как-то связано с постройкой британцами сверхброненосца «Дредноут»...

– Связь с постройкой «Дредноута» тут косвенная, – пожал плечами канцлер Одинцов, – скорее, этот печальный факт мировой истории гласит о том, что в самом ближайшем будущем все существующие на данный момент военные флоты фатально устареют и утратят боевую ценность, а на морях на некоторое время воцарятся дети, внуки и правнуки «Дредноута». Но суть не в этом. Адмирал Фишер, запустив свою акулу в болото с лягушками, разом поставил все мировые державы в одинаковые условия, различающиеся только уровнем промышленной мощи, и больше всего от этого выиграла Германия. Если до этого ее флот состоял из несколько второсортных кораблей линии, не способных на равных тягаться с полноценными броненосцами, то теперь они будут соревноваться с англичанами нос к носу. И результат этого соревнования через некоторое время будет не в пользу британцев. Но, в отличие от адмирала Фишера, мы заранее знали, к чему приведет постройка «Дредноута», и приняли меры. Компонировочная схема наших карманных линкоров типа «Гангут» скопирована с последних поколений подобных кораблей, уже избавленных от всех ошибочных и неэффективных решений...

– Господин Одинцов, – нетерпеливо сказал фон Эссен, – вы рассказываете мне очевидные вещи, о которых я мог бы догадаться и сам, ознакомившись с кораблями, но ничуть не приближаетесь к сути вопроса, который хотели раскрыть...

– Вы спросили меня о связи с постройкой «Дредноута» – и я ответил, – пожал плечами Канцлер Империи. – А суть вопроса заключается в том, что в обозримом будущем, в перспективе пяти-семи лет, нас ждет большая война с коалицией, в которую будут входить Германия, Австро-Венгрия, Турция, а также, возможно, Швеция и Болгария. Скажу откровенно: к тому моменту вы, скорее всего, дорастете до масштаба командующего Балтфлотом – и именно вам, используя все инструменты, а не только линейные силы, придется решать две главные и одновременно основные задачи. Первая – заставить германский флот держаться подальше от наших берегов, чтобы он не угрожал приморскому флангу наших войск, а также не высаживал десантов в ближнем и дальнем тылу. Вторая – полностью прервать судоходство между шведскими и германскими портами, чтобы все грузы, так необходимые германской империи, шведы были вынуждены везти сухопутными путями. Помимо компактных и мощных линкоров, для решения этой задачи вам будет дано все, что необходимо для победы: сверхминоносцы-истребители, прямые потомки вашего «Новика», аэропланы и подводные лодки, превосходящие все, о чем пока лишь догадывается мир, минные заградители, способные выставить несколько сотен мин сразу, и сами мины – хитрые, не вытравливаемые обычными тралами, а также крейсера-лидеры

отрядов эсминцев, способные уходить от своих германских оппонентов как от стоячих. Когда начнется война, будет уже не до сантиментов и вам придется думать, как нанести поражение формально сильнейшему флоту врага и заставить его выйти из войны, оттянувшись на ту сторону Кильского канала. Подумайте, Николай Оттович, справитесь ли вы с этим, особенно если учесть, что там, на вражеских кораблях, тоже будут немцы – такие же как вы, но только подданные германского кайзера, а не русской императрицы.

– Господин Одинцов, я, конечно немец... – с оттенком обиды сказал фон Эссен, – но я русский немец, и при этом подданный ее Императорского Величества государыни-императрицы Ольги. Принесенная мною присяга – это не пустой звук, и я буду верен ей до последнего вздоха.

– Bravo, Николай Оттович, – неожиданно сказал Новиков, – примерно такие слова я и ожидал от вас услышать. Думаю, что вы с нами одной крови, так что добро пожаловать на борт. И не обижайтесь на Павла Павловича – он задал вам вопрос, который обязан был задать, при этом ничуть не сомневаясь в сути вашего ответа.

– А если бы я дал господину Одинцову совсем другой ответ? – набычился фон Эссен. – Что тогда? Вы отдали бы меня в руки вашей ужасной имперской безопасности, как этого... врага русского народа и государыни Ольги?

– Совсем нет, – покачал головой Новиков, – и в первую очередь потому, что вы никакой не враг народа. В общей вашей преданности государству российскому и государыне Ольге никто не сомневается. Просто вас убрали бы с Балтики на Черное море или Тихий океан – только и всего. Войну-то мы собираемся вести не против немецкого народа и даже не против германского государства, а против амбиций одного кайзера, который решил, что чудовище, созданное гением Бисмарка, способно поглотить весь мир. Надеюсь, вы меня поняли? Впрочем, вам пока не поздно передумать...

– Нет уж, – сказал адмирал фон Эссен, – я не буду ничего менять, пусть все идет как идет. Принесенная мною присяга сильнее голоса крови, тем более что и сам я немец только наполовину, а наполовину русский по матери, и женат тоже на русской – а стало быть, дети мои еще более русские, чем я сам...

– Полноте, Николай Оттович, – благодушно произнес Одинцов, – русскость не определяется процентом русской крови; скорее, это состояние души. Вон стоит великий князь Михаил, по духу человек стопроцентно русский, а по крови почти чистый немец. Не в этом дело...

– А в чем же? – не удержался от вопроса фон Эссен.

– В том, что все оставшееся до начала войны время вы будете готовиться к тому, чтобы по получению соответствующего приказа завоевать полное и безоговорочное господство в акватории Балтийского моря, – сказал Одинцов. – Вы – один из самых талантливых флотоводцев и харизматичных командиров, какие только есть на русском флоте. Если вам будет чего-то не хватать для победы – стоит сообщить об этом любому из нас, и мы приложим все усилия для того, чтобы исправить ситуацию. Николай Оттович, вы меня поняли?

– Да, господин Одинцов, – кивнул адмирал фон Эссен, – понял. А сейчас разрешите идти, я хочу как можно скорее осмотреть эти ваши замечательные линкоры и вообще приступить к исполнению своих новых обязанностей.

– Идите, Николай Оттович, – кивнул Одинцов, – мы на вас надеемся.

И контр-адмирал фон Эссен пошел... точнее, поехал прямо на Балтийский завод. Ну, не совсем прямо, а через специальное портняжное заведение, где обычно обшивались старшие офицеры и адмиралы из-под Шпица; там всего за четверть часа пожилой еврей-портной привел его мундир в соответствии с новым званием, посетовав при этом, что вообще-то того, ай-вей, его превосходительству необходимо построить новое, с иголки, обмундирование, а то это уже весьма поистрепалось... Отмахнувшись от докучливого работника индпошива, адмирал рассчитался, сел в коляску и через некоторое время наконец добрался до Васильевского острова, где располагался Балтийский завод. А там... Николай фон Эссен впервые столкнулся с особенностями функционирования режимного предприятия. На проходной, прочитав сопроводительные документы, его попросили немного подождать и куда-то позвонили по телефону. При этом адмирал отметил, что, помимо вахтера, изрядно напоминавшего отставного кондуктора-сверхсрочника, тут присутствует вооруженный караул, бдящий, но ни во что не вмешивающийся. Прошло совсем немного времени – и из глубин завода появился офицер в черной кожаной тужурке, который представился подпоручиком имперской безопасности Алексеем Синявиным.

– Теперь, ваше превосходительство, – сказал он, – с этого момента и до того мига, пока вы не покинете территорию нашего завода, я – ваш Вергилий, проводник через все уровни секретности. Нас уже предупредили о том, что мы должны раскрыть перед вами все особенности и конструктивные секреты этого типа кораблей...

– Молодой человек, – сказал фон Эссен, глядя на госбезопасника с высоты своих сорока семи лет, – как бы я мог командовать этими кораблями в бою, если бы не знал их особенностей и конструктивных секретов?

Впрочем, вопрос был риторическим. Достроечные стенки Балтийского завода тянутся вдоль берега Большой Невы, при этом территории верфей Галерного острова и Нового Адмиралтейства располагаются на другом берегу реки, прямо напротив самого завода. Конечно, во время работ корпуса линкоров драпируются от взглядов досужих глаз полотнищами брезента, но эта защита не идеальна. А потому многие секреты новейших линкоров оказываются для публики, плавающей по Неве туда-сюда на пароходах, что называется, секретами Полишинеля. Одно дело – «бородинцы», классическая компоновка которых повторяет компоновку девяноста девяти процентов других русских, германских, британских и французских броненосцев (а их «папа», то есть прототип «Цесаревич» и вовсе родом из Франции), и совсем другое – новейшие карманные линкоры типа «Гангут-2», у которых секретом должен быть даже сам силуэт корабля. Агенты британской военно-морской разведки зарисовали и даже сфотографировали общую компоновку ошвартованных вдоль реки корпусов, на некоторые снимки даже попал момент, когда краном в массивную башню главного калибра устанавливали двенадцатидюймовое орудие (причем две пушки той же башни уже находились на своих местах). Именно по причине такой открытости адмирал Фишер имел все основания подозревать, что зачатый им по случаю гадкий утенок по имени «Дредноут» так никогда и не превратится в прекрасного лебедя.

Тем временем господин Синявин представил прославленного адмирала надзирающему на Балтийском заводе за постройкой кораблей старшему помощнику судостроителя Ивану Боброву и консультанту – капитану второго ранга Константину Синельникову. С Иваном Бобровым все было ясно. Юноша совсем недавно закончил кораблестроительное отделение морской академии и теперь был очень горд, что ему доверили ассистировать такому корифею кораблестроительной науки как академик Крылов. Да и об истинной сущности «консультанта» адмирал фон Эссен догадался сразу – несомненно, это был

пришелец из будущего, который даже не пытался скрывать перед окружающими свою «инаковость». И тут же «пришелец» удивил Николая Оттовича, сказав, что давно его ждет. Мол, основные узлы и механизмы уже установлены на свои места – и теперь пришло время объяснять практику (то есть адмиралу фон Эссену), что и как на этих кораблях будет работать в бою.

По Балтийскому заводу, где у достроечных стенок стояли почти готовые к испытаниям «Гангут» и «Петропавловск»[2 - Броненосец типа «Полтава», прежде носивший имя «Петропавловск», в ноябре 1905 года в сильном тумане на подходе к проходу на внутренний рейд Порт-Артура на полном ходу напоролся на затопленный в феврале 1904 года корпус парохода «Хайлар». После осмотра авторитетной комиссией восстановление стремительно устаревающего броненосца сочли нецелесообразным и после того как корабль сняли с искусственной мели, его подвергли вивисекции. Артиллерию, включая башни двенадцатидюймового калибра, обратили на создание береговых батарей, а корпус, набор которого оказался сильно поврежден, просто разобрали на металл.], они все эти дни так и ходили вчетвером. И тут оказалось, что основные секреты у так называемых карманных линкоров все же скрываются внутри. Например, схема бронирования. Адмирал Эссен прежде такого никогда не видел. Двухслойная разнесенная броня не просто висела мертвым грузом поверх обшивки, как на броненосцах предыдущих серий, а была встроена в силовой набор корпуса, при этом ее отдельные листы не крепились к стрингерам и шпангоутам болтами, а скреплялись между собой шпонками типа «ласточкин хвост». Четыре дюйма внешней брони, десять дюймов межброневое зазора, заполненного сотовой панельной конструкцией из металлического листа, и десять дюймов внутренней брони главного пояса прикрывали борт от первой до последней башни и с обеих сторон замыкались десятидюймовыми броневыми траверсами. Защита, как объяснил кавторанг Синельников, на вырост, достаточная для противостояния четырнадцатидюймовым[3 - На самом деле даже шестнадцатидюймовый снаряд пробьет такую броню только с самых коротких дистанций, на которых он летит параллельно воде с почти нерастраченной начальной скоростью и вонзается в защиту строго под девяносто градусов.] бронебойным снарядам. В оконечностях бронирование было однослойным, постепенно утончаясь с четырех до трех дюймов. Вполне достаточная гарантия от поражения фугасами всех калибров и вызванных этим обширных затоплений.

Не меньше адмирала удивила артиллерия как главного, так и противоминного калибра. То, что девять двенадцатидюймовых орудий располагалась в трех башнях (двух линейно-возвышенных на баке и одной на юте) для него секретом

уже не было. Но вот то, что они поднимались на угол возвышения в сорок градусов, по дальности вдвое превосходя такие же орудия «бородинцев», новостью стало. На больших дистанциях боя, как сказал кавторанг Синельников, «Гангут» или один из его собратьев с легкостью нашинкует любой из существующих броненосцев – хоть даже уродца адмирала Фишера, потому что его снаряды будут попадать в тонкую, всего тридцать миллиметров, бронепалубу этих кораблей. Еще никто в мире не вел бой на дистанциях свыше ста кабельтовых, и поэтому пока никому не известно, с каким грохотом взрываются несчастливчики типа «Худ», которым снаряд пробил недостаточно прочную горизонтальную броню и рванул в погребах. Уже потом толщина палубного бронирования вырастет до шести и даже восьми дюймов... На «Гангутах» над главным поясом палубная броня изначально составляла восемь дюймов, к оконечностям снижаясь до полутора.

И никаких трехдюймовых противоминных пушек. Противоминный калибр составляли двенадцать пятидюймовых пушек, сгруппированных в шесть универсальных двухорудийных башен, угол возвышения которых вполне достаточен для того, чтобы вести огонь по аэропланам и дирижаблям. А если учесть, что длина ствола этого орудия составляет шестьдесят калибров, то эта батарея будет вполне серьезным аргументом и в сороковых годах двадцатого века. Имелись бы соответствующие системы центральной наводки на морские и воздушные цели.

Но самое интересное, если не считать бронирование и артиллерию, лежало в низах, где всем заведовали механические чины, которые на русском флоте, еще не избавившемся от предрассудков парусной эпохи, считались как бы низшей кастой. Некоторые строевые командиры туда даже и не лазили. Ибо незачем – все равно они в этой механике не разбираются, а для того, чтобы содержать свое заведование в порядке, на корабле есть старший инженер-механик... Но Николай Оттович был не таков – и именно поэтому его «Новик» в свое время считался наилучшим кораблем в Порт-Артурской эскадре. А в низах его ждал сюрприз, да не один. Во-первых – котлы с чисто мазутным отоплением. Одним махом из команды минус двести человек кочегаров. Во-вторых – невиданные нигде в мире турбозубчатые агрегаты в качестве силовых машин (как поведал все тот же господин Синельников, они значительно превосходили по своим характеристикам прямоприводную паротурбинную силовую установку того же «Дредноута»). Ни тебе турбин крейсерского хода (по факту оказавшихся ненужными самим англичанам) ни турбин заднего хода – вместо них на линкоре имелся сюрприз за номером три. И этим сюрпризом (о котором господа Синельников и Бобров могли рассказать только на словах) оказались винты

переменного шага, позволяющие выставлять лопасти в положение переднего хода, заднего хода, а также в случае отключения силовой установки ставить их во флюгерное положение. И если переключение турбин переднего-заднего хода в классической схеме занимает достаточно серьезное время, ибо нельзя так просто дать пар в холодную турбоустановку (а если делать это часто, то она быстро ломается), то лопасти гребного винта переменного шага переключаются из одного крайнего положения в другое меньше чем за полминуты.

Адмирал фон Эссен как никто другой понимал, что в бою возможность перейти от движения вперед на полных оборотах к крутой циркуляции в режиме «враздрай» может означать разницу между жизнью и смертью. В результате недельного изучения всех особенностей своей будущей службы он заранее полюбил эти маневренные, хорошо вооруженные и бронированные корабли, даже не подозревая, что сюрпризы еще не закончились. И теперь Николай Оттович с нетерпением ждет момента, когда сможет вывести их на ходовые испытания и первые учебные боевые стрельбы. По факту настроения ему не портил даже черной тенью слоняющийся за ним по заводу господин Синявин, который после ознакомления с каждым новшеством заставлял подписывать бумагу о неразглашении. На заводе это правило действовало на всех, начиная с управляющего и заканчивая последним разнорабочим. Впрочем, большей части рабочего и технического персонала было позволительно проходить только на свое рабочее место и никуда более, поэтому адмирал Эссен, имея относительную свободу перемещения, находится еще в привилегированном положении.

24 марта 1907 года, 10:05. Гатчина, Штаб лейб-гвардии корпуса морской пехоты.

Командир корпуса, князь-консорт и генерал-майор Александр Владимирович Новиков.

К началу 1907 года сформированный по указу императрицы Ольги лейб-гвардейский корпус морской пехоты окончательно обрел пункт постоянной дислокации в Гатчине – достаточно близко от Санкт-Петербурга, но все же вдали от столичных соблазнов. При этом охрану Зимнего дворца несет Сводный Батальон корпуса, формируемый на ротационной основе из георгиевских кавалеров и отличников боевой и политической подготовки. Солдаты и офицеры в нем постоянно сменяются и назначение на двухнедельную службу в цитадели

российской власти, в отличие от нарядов на кухню, считаются у солдат и офицеров настоящей наградой. Назначения в Сводный Батальон объявляются за месяц, и к этим командировкам готовятся как к ответственному экзамену, особенно в зимний период, когда супруга с сыном проживает в Зимнем дворце, а я мотаюсь на службу и обратно на литерном поезде с Балтийского вокзала. Полцарства за нормальное авто, а то, что пока получается у Луцкого, иначе как тарантасом и не назовешь.

Построенные из красного кирпича казармы и здание штаба, а также необходимые для тренировок гимнастические снаряды и полосы препятствий возвели напротив Гатчинского дворца, по другую сторону Балтийской железной дороги – на поле, где император Павел Петрович так любил устраивать дурацкие парады своих потешных войск. Тропы для пробежек по пересеченной местности уходят вглубь лесного массива, носящего название Заячий Ремиз[4 - Заячий Ремиз – исторический район города Гатчины (Ленинградская область)]. Расположен в западной части города. Примыкает к району Аэродром, отделён от него рекой Колпанской (Пильчей). Заячий Ремиз был создан в XIX веке, использовался для охоты. Упоминался в дневнике императора Николая II. Впоследствии был заброшен, стал заболоченным и труднопроходимым.]. Помимо прочего, эта территория используется для тактических занятий при отработке действий в лесисто-болотистой местности летом и в условиях Арктики зимой. Это еще одна причина, по которой мой корпус не мог быть дислоцирован в крупном городе. Пары месяцев летних лагерей совершенно недостаточно для того, чтобы перманентно поддерживать состояние полной боеготовности.

В нашем прошлом на месте ППД корпуса морской пехоты был устроен аэродром, но Ольга сочла, что авиаторам лучше будет устроиться на летном поле рядом со станцией Сиверская, что в двадцати верстах южнее Гатчины. Пусть там жужжат своими тарантелками; а если ей захочется увидеть полеты, всегда можно позвонить по телефону и попросить организовать воздушное шоу. Впрочем, с мая по сентябрь моя супруга предпочитает проводить в Гатчинском дворце, где прошли самые счастливые годы ее небосоногого детства. И здесь среди лично преданных ей офицеров и солдат, называющих ее «матушкой», моя супруга чувствует себя в полной безопасности. И хоть наш сын еще совсем малой и едва выучился ходить, ему уже подобран «дядька» в звании унтер-офицера морской пехоты, а также компания погодков из числа детей женатых офицеров корпуса и унтеров-сверхсрочников. Мои дети не будут расти дикими зверьками, в полной изоляции от общества, как росла моя супруга и ее братья. Человек – существо стайное, и юные детеныши с самого начала жизни должны проводить свои дни в компании сверстников, за которыми присматривают опытные педагоги. Говоря

об опытных педагогах, я имею в виду не британских бонн, и не барышень, закончивших бестужевские курсы, а отборных унтеров-морпехов, проверенных на работе с молодым пополнением. Ну и, естественно, едва мое продолжение подрастет, я начну подавать ему личный пример, говоря: «делай как я».

Также в состав корпуса по моему настоянию включили базирующуюся в Гатчине 23-ю артиллерийскую бригаду, которой в данный момент командует отличившийся на русско-японской войне полковник Константин Ломиковский. С той войны сей достойный муж (первый раз отличившийся в битве при Тюренчене) вынес два ранения, ордена Святого Георгия и Владимира четвертой степени с мечами, Золотое оружие за храбрость, а также ордена Святой Анны и Святого Станислава второй степени с мечами[5 - «С мечами» - значит, награда дана за подвиг на поле боя. Иногда бывало, что офицер уже был награжден каким-либо орденом в мирное время, и тогда за подвиг он мог быть награжден мечами к уже существующей награде.]. Собственно, иных офицеров в нашем элитном корпусе и не бывает. Например, Антон Иванович Деникин вырос до полковника и является в корпусе моим заместителем и начальником штаба, а подполковник Дроздовский, звание которому было присвоено авансом[6 - Имелся в русской императорской армии обычай, когда при назначении на вышестоящую должность офицеру временно присваивалось соответствующее ей звание. Если с заданием не справился, то вместе с освобождением от занимаемой должности снималось и временное звание; если справился, то звание становилось постоянным.], командует у нас лейб-гвардейской морской гренадерской бригадой. Вот где служит элита элит, от одного имени которой слабеют ноги у недругов России на внутреннем и внешнем фронте. И именно «дроздов» в полном боевом снаряжении мы с Ольгой показываем разным иностранным гостям, когда нам нужно произвести на них определенное впечатление. Мол, если вы, господа, будете плохо себя вести, эти brave парни совершат визит в столицу вашего государства и перевернут там все вверх дном. На шведов, например, это действует безотказно.

И вот именно сюда, в военный городок, мы с Михаилом и пригласили для знакомства капитана Драгутина Дмитриевича, в настоящий момент исполняющего обязанности замначальника разведотдела Генерального штаба Сербии. Он сейчас вроде повышает свою квалификацию: съездил во Францию, в Шалонский лагерь, в Германию, на Куненсдорфский полигон, а потом уже завернул к нам. Единственной крупной европейской державой, которую господин Дмитриевич не почтил своим вниманием, была Австро-Венгрия, и то лишь потому, что начальником генштаба там сейчас подвизался генерал-полковник Франц Конрад фон Хётцендорф, люто ненавидящий славян и

являющийся сторонником превентивной войны с Сербией и Черногорией. Там Димитриевичу-Апису вместо показа мощи австро-венгерской армии, пожалуй, надавали бы по шее, несмотря на всю его бычью силу, и выставили бы вон как шпиона. Ходят, мол, тут всякие, потом ложки пропадают...

Сербия сейчас – это как Белоруссия нашего времени: государство многовекторное, считающее, что к основному вектору политики, нацеленному на дружбу с Россией, для равновесия требуется прицепить вектора поменьше, нацеленные на Великобританию, Францию и даже Италию. Шашни с французскими политиками сербы крутят даже не скрываясь. Еще бы: ведь Франция и Россия до сих пор вполне официально числятся союзниками. Зато меня, Павла Павловича, да и мою милейшую Ольгу, такое политическое многовекторство сербской красавицы изрядно напрягает...

– Ты понимаешь, Сашка, – кипя возмущением, говорила мне супруга, – это все равно что я, не разрывая отношений с тобой, найду своего мужа из вашего мира господина Куликовского и буду жить с ним тоже, даже понимая, что весь он не стоит даже ногтя на твоём мизинце. Тьфу ты, мерзость какая! Ведь эта Франция без нашей поддержки никто и ничто. Вильгельм схарчит ее с потрохами за месяц-другой. Сербия тако же: если на нее навалится вся армия злобного мизерабля Франца-Иосифа, то без нашей помощи она не продержится и пары недель...

– Что случится с Францией, мне лично глубоко фиолетово, – ответил тогда я. – Другой вопрос в том, что Вильгельм в случае ее разгрома поймет, что у него развязаны руки, и всеми силами развернется на восток. А этого нам не надо. О сербах разговор совершенно иной. Они нам братья, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы кто-нибудь смог причинить им зло. Только действовать надо не так примитивно, как действовал твой брат там, в нашем прошлом, а хитрее и изворотливее...

И я изложил Ольге свой план того, как надо оформить возможную австро-сербскую войну, чтобы австрийская армия при этом захлебнулась собственной кровью. Потом Ольга посоветовалась с Павлом Павловичем и своим братом Михаилом, который считался среди нас эталоном рыцарской чести. В итоге мы еще раз переговорили по этому вопросу все вчетвером и составили тот окончательный план, который мне предстояло представить сейчас господину Димитриевичу. И лучше бы ему сразу понять, что при всем богатстве выбора другой альтернативы у него нет. Многовекторность – это совсем не то, что

обычно хорошо кончается.

Димитриевич прибыл к нам как простой смертный, пешком, с вокзала, относящегося к Балтийской железной дороге – и все потому, что КПП нашего военного городка располагался сразу за подземным переходом через шесть ниток путей. Выходить встречать его лично мы с Михаилом не стали – много чести. Вместо того Михаил послал на вокзал адъютанта, и тот привел нашего героя в распоряжение на веревочке, будто тот и был натуральным бычком. Внешнее впечатление от этого персонажа осталось у меня самое отрицательное. Если бы я не знал, кто сейчас передо мной стоит, подумал бы, что это один из фельдфебелей-сверхсрочников, напяливший на себя сербский офицерский мундир. Хотя вся эта быдловатость, воинственно закрученные вверх «вильгельмовские» усы и прочая маска воинствующего засранца отчасти или полностью могли быть маскировкой не самого глупого человека. Вспомним Буша-младшего из наших палестин, который успешно прикидывался идиотом, чтобы упростить себе жизнь. Думаю, что, имея дело с Димитриевичем, многие попадались на такую же примитивную хитрость.

Впрочем, не стоит забывать и о зверском убийстве предыдущей королевской четы, организатором и участником которого был стоящий ныне передо мной господин Димитриевич. Ну, убили и убили – хрен с ними, покойная королевская чета состояла не из самых приятных людей и действовала против интересов своей страны. Мало того, к моменту своей смерти они были персонами нон грата при дворах в Потсдаме, Петербурге и даже Вене. Но сам, с позволения сказать, процесс цареубийства больше напоминал действия сексуальных маньяков, растормозивших свое подсознание при помощи какой-то убойной дури. Королю досталось шесть револьверных пуль и сорок сабельных ран, королеве – две пули и шестьдесят ударов саблей. Когда дело было сделано, трупы были раздеты догола и вышвырнуты в окно, где провалялись еще несколько дней, как будто речь шла о бездомных собаках, а убийцы, отряхнув руки, отправились приглашать на трон короля из династии Карагеоргиевичей.

Нет, я понимаю, что в жизни бывают разные политические комбинации, и иногда армия должна сказать свое веское слово, чтобы не допустить гибели страны по причине наличия дурных правителей, – но зачем же убивать, когда можно просто абдикировать, а главное, зачем устраивать при этом кровавое шоу, весьма смахивающее на ритуальное жертвоприношение? Ведь кровь тиранов, пролитая на так называемый «алтарь свободы», еще никого из палачей и не довела до добра. И Михаил в этом со мною согласен: для него, как для

представителя правящей династии, учиненное Дмитриевичем и компанией вовсе выходит за рамки добра и зла. Поскольку своих детей революции пожирают даже с бо?льшим аппетитом, чем врагов, такой же удел ждет и Дмитриевича с подельниками, если мы не вмешаемся в их судьбу. И вопрос, надо это делать или, напротив, следует ускорить процесс, будет решаться в ходе сегодняшнего разговора. На одной стороне весов – его сербский патриотизм и хорошее отношение к России, а на другой – совершенное с особой жестокостью цареубийство и вообще склонность к легким и быстрым решениям, что нам может еще не единожды аукнуться неприятными неожиданностями.

Тогда же и там же. Капитан сербской армии Драгутин Дмитриевич.

Три года назад, когда я впервые услышал, что русские свергли своего царя, никчемного и неуверенного в себе императора Николая, взамен возведя на трон двадцатидвухлетнюю принцессу Ольгу, в мужа которой был предназначен отличившийся на войне полковник Новиков, я подумал, что теперь в России непременно случится военная диктатура. Да-да – глупая девочка воссядет на троне, а всем в государстве будет заправлять тайная организация высокопоставленных военных (как мы и планировали в Сербии, свергая короля Александра Обреновича). «Хорошую карьеру из армейских капитанов в ночные цари сделал на японской войне неизвестный мне господин Новиков...» – подумал я тогда.

Но со временем из этой версии посыпались болтики, винтики, гаечки и прочие шестеренки. Система, которую выстроили у себя русские, до боли напомнила мне просвещенный абсолютизм императрицы Екатерины Великой – в период, когда та поддерживала постельную связь с князем Потемкиным. Именно тогда блистательные Суворов и Ушаков нанесли Турции раны, от которых та уже не смогла оправиться. Все случившееся после, включая и обретенную нами, сербами, свободу, было только следствием того времени, когда несокрушимые русские полки с легкостью кромсали сильнейшую на тот момент армию Европы. Армия Суворова так и не дошла до Белграда, но ее удары настолько расшатали турецкое государство, что скоро из него стали вываливаться целые куски, одним из которых и была Сербия. Но если бы тогдашняя русская царица была последовательнее, а ее наследники продолжили наступательный курс на Европу, то наша сербская свобода тоже наступила бы гораздо раньше...

Разница между двумя императрицами заключалась в том, что Екатерина гуляла по первым попавшимся мужикам как мартовская кошка, а Ольга была замужем за господином Новиковым и чувствовала себя в этом браке счастливо (об этом писали все сербские газеты), из-за чего ее положение выглядело значительно устойчивее, чем у ее прапрабабки. И когда мы, молодые сербские офицеры, это поняли, у нас появилась надежда, что под руководством императрицы Ольги Россия вновь станет доминирующей силой Европы. Мы думали, что с помощью русской армии сумеем разобраться с нашими врагами Австрией и Турцией, а также поставить на место жадных и наглых болгар, опять же придерживающихся проавстрийской позиции. Сербия, и только Сербия, выстрадала себе право стать основательницей Великой Югославской Империи...

Но едва я приехал в Россию, как с хрустальным звоном – бздынь-бздынь-бздынь – посыпалась и эта версия. Русские во всех слоях общества – от самой императрицы, сидящей на троне в Зимнем Дворце до самых низов вроде городских извозчиков – отнюдь не рвались на помощь своим несчастным сербским братушкам. Победив Японию, Россия с мрачным видом сосредотачивалась для очередной схватки, но страдания балканских славян имели к этому процессу минимальное отношение. Русские газеты писали о чем угодно: о переселении крестьян на пустующие земли, о постройке новых заводов и открытии университетов, о всеобщем начальном образовании и ликвидации безграмотности, о создании министерства здравоохранения и о новом кодексе законов о труде... но только не о страданиях братьев-славян. К тому же мои прежние знакомства в русском военном ведомстве оказались почти бесполезными. Кого-то за последнее время разжаловали и услали на окраину командовать взводом или ротой, кого-то выперли в отставку или перевели на интендантскую должность, а некоторые за непосредственное участие в мятеже и вовсе угодили на вечную каторгу. Честное слово, за неделю своего пребывания в Санкт-Петербурге я не встретил ни одного знакомого лица, хотя и очень старался.

Хорошо еще, что у меня была бумага от сербского генштаба о том, что цель моего визита – обмен военным опытом, а то дело и вовсе могло кончиться скверно. Оказывается, за всеми праздношатающимися иностранцами тут внимательно приглядывает Служба Имперской Безопасности, а если они начинают проявлять неуместное любопытство к вопросам, считающимися секретными, объясняться несчастным потом приходится в застенках петропавловской крепости – а это страшнее белградской жандармерии... Но в конце концов один из делопроизводителей военного ведомства, к которому я в итоге обратился, позвонил куда-то по телефону и после долгого разговора

сказал, что для обмена опытом мне следует отправляться в Гатчину, где дислоцируется лейб-гвардейский корпус морской пехоты, являющийся соединением постоянной готовности, подчиненным напрямую императрице. Мол, в отличие от остальных частей и соединений русской армии, этот корпус, которым командует князь-консорт, проводит маневры не только летом, когда ярко светит солнце и зеленеет трава, но и вообще в любое время года. Там, откуда господин Новиков к нам пришел, так принято. Так что поезжайте, господин Димитриевич, поезжайте в Гатчину, вас там уже ждут...

Последние слова должны были бы меня насторожить, но, устав от мытарств, я полетел в Гатчину будто мотылек на огонь свечи – и, конечно же, попал туда, куда не ожидал. И только когда за мной закрылись ворота военного городка, я понял, что слухи о том, что князь-консорт и некоторые другие ближники молодой императрицы пришли к нам из иного мира, являются чистой правдой. Тут, с внутренней стороны высокого забора, действовали совсем другие правила и законы, нежели снаружи, тут полным хозяином был господин Новиков, который воспроизвел во вверенном ему корпусе кусочек привычного ему мира. Не заметить этого было невозможно. Первое, что бросилось в глаза – отсутствие перед казармами наказанных солдат, долгие часы в любую погоду стоящих под винтовками...

– Тут это не принято, – в ответ на мой интерес пояснил штабс-капитан Леонов, встретивший меня на Гатчинском вокзале, – как и рукоприкладство по отношению к нижним чинам. Наказание за это одно – немедленный перевод в другое соединение, подальше от столицы, поближе к разным башибузукам...

И тут мы вошли в здание штаба корпуса, и сразу стало не до разговоров. Мы отдали шинели солдату за гардеробной стойкой, после чего господин Леонов довел меня до нужной двери и откланялся. А там, за дверью, меня уже ждали князь-консорт Новиков и брат императрицы принц Михаил. Я вообще-то человек не робкого десятка и знаю, что надо делать, когда против меня обнажают саблю или нацеливают револьвер. Но тут я на мгновение растерялся. Не думал, что все это будет так сразу. При первом же взгляде на супруга русской императрицы я подумал: если меня однокашники и сослуживцы за силу и вспыльчивость называли Аписом (то есть быком), то сейчас передо мной стояло человеческое воплощение тигра – дикого, стремительного и неумолимого. И его шурина, Великий князь Михаил, был ему под стать. И оба они смотрели на меня с выражением сурового неодобрения, с каким обычно судьи взирают на доставленного к ним преступника. От этой мысли мне стало не по себе. Быки на

тигров не охотятся, а те, наоборот, совсем не прочь немного перекусить свежей говядиной...

– Ну-с, господин Димитриевич, – сказал мне русский князь-консорт, – вот мы и встретились. Позвольте представиться: Александр Владимирович Новиков, пришелец из двадцать первого века, майор российской армии у себя дома, в двадцать первом веке, и генерал-майор русской императорской армии здесь...

– ПОКА генерал-майор, – добавил Великий князь Михаил. – И еще, Драгутин, не обращайтесь внимания на титул князя-консорта, который носит господин Новиков. К нашим нынешним делам он не имеет никакого отношения, за исключением того, что Александр Владимирович всегда в полном объеме будет выслушан своей супругой нашей императрицей. Роль любящего мужа и родного отца цесаревича Александра Александровича, конечно, на самом деле имеет свое место в истории, но она никак не связана с генерал-майорским званием и должностью командующего этим образцовым, с моей точки зрения, соединением русской армии. Лейб-гвардейский корпус морской пехоты, его боевые качества, подбор офицеров и методы воспитания нижних чинов – целиком заслуга господина Новикова.

– Э-э-э, господа... – немного опешив от такого напора, сказал я, – мне вообще непонятен смысл этой встречи со столь высокопоставленными господами. Я прибыл сюда, чтобы понаблюдать за ротными и батальонными учениями и посмотреть, что из этого можно применить в подготовке сербской армии...

– Это не главная цель вашего визита, господин Димитриевич, – сказал Новиков. – На самом деле вы прибыли для того, чтобы поискать русской помощи в предполагаемом прямом военном столкновении Сербии с Австро-Венгрией, Турцией и, возможно, даже Болгарией. Пока что между Софией и Белградом заключен союз, но македонский вопрос способен рассорить две братские страны раз и навсегда.

– Господин Новиков, – с деланным возмущением воскликнул я, – вы что-то путаете! У офицера в чине капитана нет и не может быть официальных полномочий на ведение подобных переговоров!

– Мы ничего не путаем, – вместо Новикова ответил мне Великий князь Михаил. – Вы – господин Димитриевич, про которого в Белграде каждая собака знает, что

его нет нигде, но он при этом делает все. И совершенно неважно, какую официальную должность в данный момент вы занимаете...

– Прибыв в Санкт-Петербург, вы собирались прозондировать обстановку через своих старых знакомых, – продолжил Новиков, – и оказались премного удивлены и дезориентированы тем, что в нашем военном ведомстве произошли кардинальные изменения.

– Да, – признался я, – ни в Военном Министерстве, ни в Главном Штабе я не смог встретить никого знакомого. И все же, господа, учитывая мой неофициальный статус, я не понимаю, о чем между нами может пойти речь...

– А все о том же, – сказал русский князь-консорт, – мы будем говорить о судьбе Сербии, о том, кто ей друг, а кто враг, и чем Российская Империя может вам помочь в той или иной ситуации.

– А ваше неофициальное положение ничем нам не мешает, даже напротив, – добавил Великий князь Михаил. – Мы точно знаем, что король Петр сделает все так, как захочет группа ваших единомышленников, поэтому нам удобней разговаривать с одним из кукловодов, чем с официальной, но безвольной куклой. Надеюсь, вы не сомневаетесь в наших с Александром Владимировичем полномочиях делать вам предложения и обеспечивать их исполнение? Поймите, второго такого шанса у вас уже не будет. Если мы сейчас не договоримся, то вы будете предоставлены своей судьбе, а мы начнем действовать на Балканах в меру собственного разума.

– И какова она была – моя судьба? – спросил я.

– Выбирая из двух сербских принцев, – ответил Новиков, – вы, Драгутин, сделаете неверную ставку, выбрав в качестве будущего короля прирожденного интригана без капли совести за душой. Он расстреляет вас по подложному обвинению, ибо испугается, что вы сделаете с ним то же, что уже сделали с другим королем Александром, только из династии Обреновичей...

– Но, господа! – непроизвольно вскричал я, выдав себя с головой. – Принц Георгий совершенно не приспособлен к тому, чтобы править: он неуравновешен, вспыльчив и чурается женщин, что может означать у него нездоровые наклонности!

– Зато он честен и отходчив, – назидательно сказал русский князь-консорт, – а остальное поддается шлифовке, в то время как подлость и склонность к интригам современной медициной не излечимы.

– Одним словом, наша семья будет крайне недовольна, если с принцем Георгием случится хоть что-то неприятное, – веско сказал Великий князь Михаил. – Особенно если это неприятное будет исходить от вас, Драгутин. И уж поверьте, мы найдем способ выразить вам свое неудовольствие в такой форме, что вы этого не переживете.

Кому другому я не спустил бы таких слов. Внутри меня уже разгоралась багровая ярость, готовая выплеснуться волной жаркого огня, сминающего все преграды – и тут я увидел, что господин Новиков тоже охвачен яростью, но только не горячей, а холодной. Глаза его сузились, пальцы чуть заметно согнулись, вся его гибкая атлетическая фигура как-то неуловимо напряглась. И тут я понял, что стоит мне совершить хоть одно неверное движение – и он моментально разорвет меня на части прямо здесь. Ярость тут же покинула мои члены, сменившись унижительной ледящей слабостью. Руки мои опустились, кулаки разжались. Я впервые встретил человека, который не испугался вспышки моего гнева – и проиграл ему противостояние целиком и полностью.

– То-то же, Драгутин... – с удовлетворением произнес Великий князь Михаил, – личные недостатки Георгия – вопрос обсуждаемый, но на самом деле достойной альтернативы ему нет. Мы просто не можем довериться королю Александру, поскольку, помимо случая с вашим расстрелом по подложному обвинению, ему в будущем предстоит совершить множество других неблагоприятных дел, в том числе свергнуть с черногорского престола собственного деда Николу Петровича Негоша, присоединив территорию его государства к территории Сербии...

И тут я понял, что упрямитесь дальше просто нет смысла. И дело даже не в том, что принц Александр опасен для меня самого. Главное, что с ним отказывалась иметь дело Россия, ведь об этом открытым текстом мне говорили муж и брат русской императрицы. Но и Георгий тоже не мог быть хорошим монархом. Я – такой же, как и он, и часто взрываюсь под влиянием эмоций, а потому хорошо представляю, как опасен такой монарх на троне. Так можно натворить такое, что потом не помогут никакие извинения. И еще разговоры о его противоестественных наклонностях...

Но тут меня озарило.

– Господа, – совершенно серьезно сказал я, – а что если королем Сербии станет не принц Георгий и не Александр, а принцесса Елена, и консортом при ней, или даже полноценным королем, будет ее муж – например, вы, ваше императорское высочество?

Великий князь Михаил хотел было что-то сказать, но Новиков прервал его и попростому сказал:

– Тихо, Миша... не говори ничего. Это мгновение слишком прекрасно, чтобы портить его словами. Помни одно: родившись в семье Романовых, ты с пеленок целиком и полностью принадлежишь не себе, а России, и если для ее счастья потребуются, чтобы ты взошел на сербский престол, то значит, так тому и быть. Кроме всего прочего, дочь сербского короля умная и добрая девушка честного поведения, не дурнушка и не дурочка. Одним словом, пока есть время, съезди-ка в Сербию и посмотри на невесту. Заодно познакомишься и с остальными участниками этого действия, в том числе и обоими братьями невесты. Как мы с Ольгой и обещали, никто тебя неволить не будет, но все же дважды разведенная охотница за статусными женихами – не пара моему лучшему другу. А вы, господин Димитриевич, молодец. Нашли вполне достойный выход из нравственно сомнительной ситуации. Впрочем, все зависит от решения самого Михаила...

– Хорошо, Александр Владимирович, – сказал брат императрицы, – я съезжу в Белград и постараюсь посмотреть на Елену Сербскую непредвзятым взглядом. Быть может, она мне понравится, а может, и нет; а может оказаться так, что этой особе не понравлюсь я...

– Ну вот и хорошо, Миша, – кивнул Новиков, нарочито не замечая последней оговорки своего шурина, – а заодно, как официальное лицо в официальной обстановке, донесешь до других таких же лиц все то, о чем мы сейчас совершенно неофициально договоримся с господином Димитриевичем.

– А о чем мы договорится? – без всякой задней мысли спросил я.

– Для начала о том, что мы совершенно не желаем попадать в ситуацию, при которой из-за ваших импульсивных и необдуманных действий мы были бы

вынуждены сами объявить войну Австро-Венгрии, – сказал Великий князь Михаил. – Это крайне нежелательно, поскольку в таком случае в войну против России и Сербии тут же вступят союзные ей Германия и Турция...

– Но как же тогда вы собираетесь выполнить свои союзные обязательства, если не хотите объявлять войну Австро-Венгрии? – с удивлением спросил я.

– Во-первых, – вместо Великого князя ответил Новиков, – необходимо сделать так, чтобы Болгария и Сербия при любом развитии событий оставались между собой в дружеских отношениях. Тогда, если у вас начнется война с австрийцами, мы сможем посылать воюющей Сербии оружие, боеприпасы и добровольцев, которых будет хоть отбавляй. Во-вторых – мы пошлем в Сербию столько людей и новейшего оружия, что в Вене взвоят от нашей наглости, прикрытой фиговым листком прямого неучастия в конфликте. В таком случае императору Францу-Иосифу останется одно – броситься на нас с кулаками и проиграть. Все дело в том, что при нападении Австро-Венгрии на Россию, она, с точки зрения Германии, сама станет агрессором, и тогда ни один немецкий солдат даже не пошевелится для того, чтобы прийти империи Габсбургов на помощь. Такое положение будет гарантировать австро-венгерской армии полный разгром где-то в течение полугода или даже меньше.

– А как же быть с Османской империей? – спросил я. – Если немцы в войну не вступят, то турки уж точно не упустят момента напасть на нас сзади, когда мы сражаемся с австрийцами...

– О турках не беспокойтесь, – сказал господин Новиков, – к тому моменту, когда возникнет описанная нами коллизия, им будет совсем не до Сербии. К тому же при помощи наших добровольцев с ними смогут справиться и болгары. Главное – это первое наше условие, по которому вы без согласования с нами не должны совершать никаких резких акций, по крайней мере, против Австро-Венгрии. Придет время, и мы сами дадим вам команду «огонь».

– Да, именно так, – сказал Великий князь Михаил, – а сейчас, поскольку вы прибыли по поводу обмена опытом в плане боевой подготовки, мы с вами пройдем на стрельбища и полосу препятствий – и вы увидите, как готовятся к грядущей войне лучшие солдаты Российской Империи. А потом мы с вами снова поговорим, и, может быть, даже не один раз...

27 марта 1907 года, 16:55. Санкт-Петербург, Зимний Дворец, Малахитовая гостиная.

Прибывшего с Дальнего Востока Сергея Сергеевича Карпенко императрица принимала по-домашнему, в Малахитовой гостиной. Не чужие, чай, люди; не виделись целых три года, да и прибыл контр-адмирал не один, а с семьей. Да, да-с, с семьей. Поэтому на встрече с господином Карпенко присутствовали только свои: сама императрица с супругом, Павел Павлович Одинцов с супругой Дарьей Михайловной, Великий князь Михаил, как раз в эти дни собирающийся в дальний вояж до городу Белграду, да прибывший из Кронштадта адмирал Макаров; более никого. Господин Мартынов отнекался от приглашения слабой степенью знакомства с адмиралом Карпенко, Великий князь Александр Михайлович, по-прежнему начальствующий над Остехбюро – занятостью делами, Игорь Михайлович Баев, служивший в былые времена на «Трибуце» особистом, в данный момент находился в отъезде, сопровождая в Белград господина Димитриевича. Там тоже железо следовало ковать пока оно горячо.

В гостиную, где вокруг накрытого к чаю стола уже собрались гости, вошел затянутый в черный морской мундир адмирал Карпенко, придерживающий под руку стройную молодую женщину, одетую в светло-серое, без претензий на роскошь, со вкусом подобранное платье. Присутствующим было известно, что у четы Карпенко имелась дочь полутора лет от роду по имени Евгения Сергеевна; в настоящий момент девочка осталась с нянькой в генеральском номере отеля «Европа». Кроме всего прочего, было заметно, что супруга Сергея Сергеевича, хоть и старается держать себя в руках, крайне потрясена тем фактом, что нежданно-негаданно взлетела на такую высоту – оказалась приглашенной на чай в Зимний Дворец к самой императрице. Но это было не все: на столе, в обитой бархатом коробочке, супругу адмирала дожидался портрет-миниатюра правящей императрицы, отличающий статс-дам от всех прочих смертных женщин. Иначе было бы невместно. Как-никак, адмирал Карпенко – лицо, особо приближенное к правящей особе, супруга же его не замечена ни в чем, что порочило бы ее достоинство.

Александра Васильевна Шитикова (в быту Шурочка) три года назад была девушкой образованной, закончившей женскую прогимназию, но бедной как церковная мышь. С чего быть богатой дочери мелкого железнодорожного чиновника, приехавшего в Порт-Артур как раз для того, чтобы подзаработать ей на приданое? Ну а в начале ноября четвертого года и вовсе наступила катастрофа. Папенька Шурочки Василий Никодимович Шитиков неудачно промок

под дождем, заболел горячкой и в одну неделю отдал богу душу. И осталась Шурочка одна при небольших накоплениях, которые скоро должны были закончиться. А всех достоинств у Шурочки было: ладная фигура с полной грудью и тонким станом, пшеничная коса толщиной в руку, нежное, не изрытое оспинами лицо с ясными голубыми глазами... ну и еще четкий аккуратный почерк, к которому прилагался аттестат об окончании в тысяча девятьсот третьем году женской Таганрогской четырехклассной прогимназии.

У девушки было три пути: срочно выйти замуж, найти работу домашней учительницы или податься в публичный дом госпожи Шнеерзон. Существовал, однако, и четвертый выход: кинуться в море с камнем на шее... Но мадмуазель Шитикова не хотела об этом и думать. Первый вариант по трезвому размышлению отпадал. Удачно выйти замуж бесприданнице в начале двадцатого века было непросто. А неудачно Шурочка не хотела. Ведь, в ее понимании, брак заключался на всю жизнь. Второй вариант тоже не получался, поскольку найти работу домашней учительницы оказалось невозможно. Офицеров и чиновников, привезших на этот край земли свои семьи, было немного, и у них воспитанием детей в основном занимались собственные жены. Третий вариант оставался реальным, но девушка понимала, что он означает падение на дно. Уж лучше неудачное замужество и муж-пьяница, чем клеймо продажной девки, от которого уже никогда не избавишься.

И когда Шурочка уже была готова впасть в пучину отчаяния, в газете «Новый Край» (она же «Порт-Артурская Сплетница») ей попало объявление, что Великое Княжество Цусимское приглашает на поселение совершеннолетних подданных Российской Империи, имеющих начальное и среднее образование, без различия пола и возраста. И вот, не прошло и недели, как пароход «Принцесса Солнца» высадил мадмуазель Александру Шитикову на сером туманном берегу залива Асо. А дальше подобрали, обогрели и приискали работу секретарем-делопроизводителем в штаб отряда крейсеров. Помог тот самый аккуратный каллиграфический почерк, благодаря которому читать написанное Шурочкой было не сложнее, чем печатный текст. Сергей Сергеевич с самого начала своего назначения на должность разогнал из штаба с канцелярских должностей как протирающих штаны офицеров, так и матросов-писарей, по возможности заменяя их вольнонаемным персоналом. Хотя Шурочка являлась не единственной канцелярской девицей, она была аккуратна, усердна и не стремилась, как некоторые, поскорее обратить на себя внимание молодых людей. А зачем спешить? Выплачиваемое жалование добавляло ей самоуважения (она живет на свои и даже может откладывать), а самым любимым времяпровождением стало посещение читального зала

библиотеки при штабе отряда, куда снесли все книги с кораблей из будущего.

И хоть адмирал Карпенко и делопроизводитель Шитикова частенько пересекались по службе, по-настоящему встретились они именно в библиотеке. Для романтично настроенной девушки сидящий сорокавосемилетний адмирал, чуть оплывший, но без намека на брюшко, в первую очередь был героем Порт-Артурского сражения, лихо пустившим на дно весь японский флот. У каждого свои кумиры; Шурочке же нравились настоящие люди, одним из которых и был адмирал Карпенко. Но живого адмирала она предпочитала боготворить издали, не веря, что он может ответить взаимностью бедной девушке. При этом возникшее сердечное томление Шура удовлетворяла чтением толстых героических романов, большинство из которых в начале двадцатого века были еще не написаны. Однажды ей в руки попался двухтомный роман Степанова «Порт-Артур» – и девушка за несколько вечеров одолела его от корки до корки. Дочитала и заплакала от чувства горькой безысходности, которое веяло на нее со страниц книги. Зло торжествовало, Добро было обречено на поражение, и маленькое личное счастье Вари Белой и прапорщика Звонарева было при этом слабым утешением. И ведь где-то там, среди нагромождения жертв героической, но бесполезной обороны, должна была лежать и она сама, Александра Васильевна Шитикова, семнадцати лет от роду, русская, не замужем, бездетная и беспартийная...

Именно в этот момент к плачущей девушке в пустом читальном зале и подошел заглянувший в библиотеку адмирал Карпенко.

«Девушка, – спросил он, склонившись над плачущей Шурочкой, – вам чем-нибудь помочь?»

«Спасибо, Сергей Сергеевич, – ответила та, утирая слезы платочком, – вы мне уже помогли...»

В результате они проговорили еще часа два – причем обо всем на свете, а не только о романе «Порт-Артур», после чего адмирал проводил девушку до дома, где находилось общежитие для молодых незамужних девиц. На следующий день это повторилось, потом еще и еще. Так началось их личное знакомство, итогом которого стал момент, когда адмирал, краснея от волнения, предложил Шурочке руку и сердце... Так девица Шитикова исчезла, растворившись в небытие, а ее место заняла адмиральша Карпенко. Впрочем, после этой метаморфозы Шурочка не изменила своей привычной скромности – и единственными украшениями,

которые она продолжала носить, были золотое обручальное кольцо и сережки с крупными жемчужинами, подаренные мужем на свадьбу.

Но одно дело – стать супругой контр-адмирала и лорда-протектора Цусимы, заменяющего князя в то время когда тот исполняет обязанности мужа царицы, и совсем другое – самой очутиться в Зимнем Дворце, среди самых высоких сановников империи, приближенных к государыне-императрице... Однако наибольшее потрясение ждало Шурочку впереди – когда Ольга, сначала допустив адмирала Карпенко «к ручке», по-дружески обняла и расцеловала ее в обе щеки.

– Премного наслышана о том, что у моего адмирала хорошая супруга, – сказала она, глядя на смущенно-радостную женщину сияющим взором, – умная, верная, добрая и, самое главное, красивая! Ну а поскольку Сергей Сергеевич всегда был моим верным другом, то ты, Александра Васильевна, будешь теперь моей верной подругой. Дарья, портрет...

Приняв из рук своей старшей статс-дамы коробочку с портретом-миниатюрой, императрица вручила ее Александре и сделала шаг назад, еще раз оглядывая свою новую знакомую.

– Ты не робей, – сказала она, оставшись довольной результатом этого осмотра, – у меня тут устроено все по-простому, без вычурностей. Шитого золотом придворного платья тебе не потребуется, разве что в особо торжественных случаях. После поговоришь с Дарьей Михайловной – она объяснит тебе, что тут и как. А сейчас, на правах хозяйки, прошу всех к столу.

– Спасибо, матушка-императрица... – пролепетала еще сильнее покрасневшая Шура, вцепившись в локоть своего адмирала.

А тот уже успел обменяться рукопожатиями с наибольшими людьми империи: братом царицы, князем-консортом, канцлером Одинцовым, а также с седым как лунь (укатали сивку крутые горки) адмиралом Степаном Осиповичем Макаровым.

– А ведь верно говорят, Сергей Сергеевич, что от судьбы не уйдешь, – сказал прославленный адмирал, поздоровавшись со своим спасителем[7 - Если бы не коренной перелом в войне на море, который Карпенко со товарищи устроили, нанеся поражение японскому Объединенному Флоту, лежать бы через некоторое

время адмиралу Макарову на морском дне вместе с тем самым злосчастным броненосцем «Петропавловск»]. – Утопили все-таки наши криворукие «Петропавловск» и без всяких японских мин...

– Ну, не совсем утопили, – ответил Карпенко. – Отделались легким испугом. Да и не погиб никто. Даже матросиков, от удара попадавших в воду, вовремя выловили и отпоили зеленым вином – да так, что некоторые потом специально были готовы еще раз сигануть за борт – так сказать, за второй порцией.

– Купание в нетрезвом состоянии вообще-то чревато летальным исходом, – заметил Новиков. – Но ты, Сергей Сергеевич, не томи – расскажи, как там было дело?

– Да что там рассказывать... – отмахнулся тот, – меня там рядом не было, так что знаю я не больше вашего. Вроде штурман в тумане ошибся в расчетах, проложил курс на пару кабельтовых южнее, чем следовало, а командир, боясь упустить прилив, приказал идти к проходу на полном ходу. Вот и все. Штурман загремел по полной, на пять лет крепости, а командир отделался разжалованием в лейтенанты и списанием на берег. Теперь ему не доверяют даже портового буксира. Больше никого не наказали, даже «стрелочника» – то есть стоявшего за штурвалом рулевого...

– Ну вот, – немного раздраженно сказала Ольга, – если мужчины собираются в своей чисто мужской компании, то все их разговоры вертятся вокруг легкодоступных женщин... Если при этом поблизости оказываются их жены, то они тут же переключаются на вопросы службы. Выказываю вам свое легкое монаршее неудовольствие. И вообще, господа, разве нельзя было выбрать более приятную тему для разговора, чем утопленный по чужому недоумию броненосец?

– Прошу прощения, Ваше Императорское Величество, – сказал Макаров, выставив вперед веник седой бороды, – но это моя вина. Сергей Сергеевич только ответил на мой вопрос. Вы уж простите старика, Бога ради.

– Вы прощены, Степан Осипович. – Императрица величественно кивнула. – А еще я хочу сказать, что очень рада тому, что Сергей Сергеевич нашел себе достойную пару. Достоинство, господа – оно не в поколениях благородных предков, а в том, с каким спокойствием держит себя сейчас перед нами

Александра Карпенко. Помнится, когда меня первый раз семь лет назад вывели на люди, я чувствовала себя как маленький дикий зверек, посаженный в клетку... А она ничего, держится.

Шурочка покраснела так, что, казалось, сейчас от ее лица можно будет прикуривать, и опустила глаза к чашке с отличным цейлонским чаем, а ее супруг, чуть заметно усмехнувшись, произнес:

– Ваше Императорское Величество, пожалуйста, не смущайте мою супругу, а то она уже сейчас готова провалиться сквозь землю. А еще я хотел бы вас спросить, для какой такой надобности вы срочно вызвали меня сюда с Дальнего Востока, что я должен был, наскоро передав дела, мчаться сюда ломая крылья и теряя перья? У нас что, в ближайшее время намечается небольшая война? И не смотрите, пожалуйста, на Александру Васильевну – она не только моя жена, но и стопроцентная единомышленница.

– Да-да, государыня-императрица, – закивала Шурочка, – готова жизнь свою положить за вас и Матушку Россию... Помимо Сергея Сергеевича и Женечки, вы – все, что у меня есть.

– Женечка, Ваше Императорское Величество, это наша дочь, – пояснил Карпенко не без затаенной гордости.

– Во-первых, – сказала императрица, обзрев чету Карпенко, – в ознаменование ваших, Сергей Сергеевич, заслуг перед империей, позволяю вам обоим при посторонних, за исключением официальных случаев, называть меня Ольгой Александровной, а без посторонних (к коим не относятся приглашенные на это чаепитие) – просто Ольгой. И чтобы больше всуе никаких Ваших Императорских Величеств. Вы, Сергей Сергеевич, наряду с Павлом Павловичем и моим супругом, были одним из тех, что честно и гордо вознес имя России на недостижимую высоту, и я вам в этом очень благодарна.

– Как вам будет угодно, Ольга, – слегка наклонил голову Карпенко, подтверждая, что монаршее указание принято к сведению.

– Во-вторых, – кивком на кивок ответила Ольга, – дорогая Александра, жизнь за Отечество вам класть не потребуется. Чай, сейчас не времена Смуты или Наполеонова нашествия. Даже от своих подданных мужеска пола я требую не

того, чтобы они сложили головы за матушку-Россию, а победы – с наименьшими потерями и возвращением к своим семьям живыми и здоровыми. Но никто из моих близких жизнь в праздности не прожигает, все трудятся в поте лица своего: или по службе, или на каком-нибудь общественном поприще. Вам, Александра, мы тоже подберем дело по душе и таланту, об этом не беспокойтесь. Сейчас у нас на носу ликвидация безграмотности, борьба с беспризорностью малолетних, голодом, нищетой и отчаянием самых глубинных слоев нашего народа, так что дело для человека с горячим сердцем и чистыми руками всегда найдется.

– Хорошо, Ваше... то есть Ольга, – еще раз покраснев, сказала Шурочка, – вы только скажите, что надо делать, а я всегда готова.

– В-третьих, – произнесла Ольга, сделав вид, что не заметила оговорки своей свежее испеченной статс-дамы, – у нас, Сергей Сергеевич, действительно намечается война, только не в ближайшее время и отнюдь не небольшая. К настоящему моменту присутствующим тут людям стало ясно, что избежать общеевропейской войны нам не удастся. Слишком велики амбиции Германии, созданной Бисмарком уже после того, как мировой пирог оказался поделен между ведущими игроками. Мы бы хотели мира и дружбы с Берлином, и даже назначили соответствующего этому желанию министра иностранных дел, но кайзер Вильгельм хочет все и сразу. Ему уже снятся виноградники Франции, жирные малороссийские черноземы и бескрайние леса нашей Архангельской губернии, а также гавань Кронштадта, где должны бросать якоря корабли германского военного флота. Россию, по мнению германских стратегов, следует отбросить на восток – то ли за Днепр, как в семнадцатом веке, то ли прямо за Волгу; Германия же должна властвовать над всей Европой...

– Весьма похоже на правду, – согласился Карпенко, – идею о лебенсрауме придумал отнюдь не Гитлер. Теперь главное, не дожидаясь сорок пятого года, дать германским стратегам такой решительный ответ, чтобы у них эти идеи вместе с зубами вбило прямо в глотку.

– Вот именно, Сергей Сергеевич, – подтвердила Ольга, – тот, кто к нашему добру руки протянет, без них и останется. А вам лично при этом предстоит работа по специальности. Железную дорогу мы до Мурмана дотянули, причалы и прочие портовые сооружения строим. Теперь нам нужно создать новый северный Арктический флот, чтобы ворота в Русскую Арктику были на замке, и у России, несмотря ни на что, не терялась связь с внешним миром.

– Союзниками при этом, как в ПРОШЛЫЙ РАЗ, будут англичане с французами? – небрежно спросил Карпенко.

– А кто ж еще? – вздохнула Ольга. – Союзнички из лимонников и лягушатников, конечно, так себе, но других нам против Германии взять будет негде, а немецкая угроза – штука объективная.

– Сама по себе Германия не была бы так страшна, – добавил Новиков, – ведь и у кайзера Вильгельма бывают минуты просветления, но, помимо нее, существует Австро-Венгрия, которой правит полоумный маньяк-славяноненавистник Франц-Иосиф. Вообще это далеко не первый случай того, как ловко хвост может вертеть собакой. Как и в прошлый раз, повод к войне, скорее всего, будет закопан где-нибудь на Балканах.

– Ну что же, Северный флот так Северный флот, – сказал адмирал Карпенко, – раз есть железная дорога, то надо будет съездить и посмотреть все на месте. Потом стоит глянуть, какие корабли Степан Осипович сможет передать мне для обзаведения...

– Да ты погоди ехать, Сергей Сергеевич, – сказала императрица, – в самом ближайшем времени у нас намечается визит в Петербург моего британского дядюшки Берти и сопровождающих его министра иностранных дел Великобритании сэра Эдварда Грея и первого морского лорда адмирала Фишера. Скорее всего, речь пойдет об установлении русско-британского союза, и в этот момент победитель адмирала Того будет нужен мне здесь. А потом, когда наши гости отчалиют в свои родные британские палестины, ты, конечно же, поезжай на Мурман и внимательно осмотри все на месте. Часть кораблей, которые мы тебе выдадим, при этом будут годиться только на то, чтобы организовать из их артиллерии несколько береговых батарей, использовав остальной металл более рациональным способом; другие же и в самом деле будут полноценными боевыми единицами.

– Я вас понял, Ольга, – кивнул Карпенко, – и сразу хочу сказать, что, скорее всего, нам придется иметь дело с действиями вражеских подводных лодок и минных заградителей, а отражение такой угрозы требует минимального количества тяжелых артиллерийских кораблей и максимального – миноносцев и тральщиков. И, кстати, должен добавить, что если вы хотите разобрать какие-то из устаревших кораблей, обернув их артиллерию на оборону мурманской базы, то лучше делать это здесь и везти на Север только пушки, а то вывозить металл

для последующей переплавки с края света – та еще морока.

– Хорошо, Сергей Сергеевич, – сказала императрица, – когда мои английские гости уберутся восвояси после своего визита, вы съездите на место и составите мне докладную записку, из которой будет ясно, как говорит господин Мартынов, «сколько вешать в граммах». А сейчас давайте перестанем разговаривать о делах, будем пить чай и радоваться тому, что один из самых близких нам людей снова будет служить рядом с нами.

30 марта 1907 года, 23:05. Поезд Краков-Будапешт, вагон первого класса, окрестности станции Освенцим.

Капитан сербской армии Драгутин Димитриевич.

К сожалению, самый короткий путь из Санкт-Петербурга в Белград лежит через Будапешт. Потенциальный жених нашей принцессы Елены принц Михаил выедет позже нас и по другому маршруту. В отличие от прикидывающихся частными лицами меня, господина Баева, а также сопровождающих нас людей, путешествие третьего в российской иерархии человека через территорию Австро-Венгрии выглядело бы неподобающим образом, поэтому его путь в Белград проляжет через Киев, Одессу, Варну и Софию. Но сейчас я думаю не об этом, а о том, что узнал за время своей поездки в Россию. О первой половине этого визита, когда я выглядел самодовольным дураком, вспоминать не хочется, потому что стыдно; зато вторая половина с лихвой компенсировала первую. В первую очередь меня шокировало то, что Россией, оказывается, управляет такая же могущественная тайная офицерская организация, как и наша «Черная Рука». Разница заключается в том, что эта русская организация, названия которой я не знаю, и есть, собственно, власть, ибо в ее руководство входят и сама императрица, и князь-консорт, и канцлер Одинцов, исполняющий в России обязанности премьер-министра, и брат императрицы Михаил, который в случае удачного стечения обстоятельств станет нашим следующим королем. Власть тайная, полностью и без остатка слившаяся с явной властью, дает русским возможность сформировать чрезвычайно сильное государство, потому что правая рука у них всегда знает то, что задумала левая.

Нашу организацию явные (и они же тайные) правители России с легким пренебрежением называют «детским садом» и говорят, что для достижения

полного успеха мы должны строить, опираясь в своей деятельности на официальную власть. Но что поделаться, если король Петр ни в малейшей степени не соответствует ответственной роли истинного руководителя сербского государства... Мы вынуждены манипулировать им, подталкивать к тем или иным решениям, зачастую получая результат с опозданием или же совсем не такой, какой нужно. Чтобы тайная власть соединилась с явной, государству необходим руководитель соответствующего уровня посвящения, который мог бы одновременно возглавить и нашу организацию. Я знаю, что однажды в том, другом мире, я уже выбрал на эту роль принца Александра, а он, неблагодарный, решив, что получил от нас все что возможно, попытался уничтожить нашу организацию, которая в той или иной форме существовала все то время, пока существует Сербия.

Больше такой ошибки я не совершу. Все что творит наша организация, будь это подвиги или преступления, делается ради блага Сербии и ее народа, и никогда и ни за что мы ничего не будем делать ради себя лично; зато принц Александр действовал только ради себя и своей все увеличивающейся власти. Так обойтись с собственным старшим братом и родным дедом, как это сделал он, мог только хищный нелюдь-вурдалак. Нет, мы не будем его убивать, по крайней мере до тех пор, пока он держится в стороне от власти, ибо к внешне беспричинному устранению члена правящей семьи крайне неодобрительно отнесутся не только в Петербурге. Об этом меня предупредили особо. Мы просто откажем ему во вступлении в нашу организацию и, соответственно, не дадим своей поддержки. Но если он сделает хоть один шаг к тому, чтобы завладеть тронem, то пусть пеняет на себя. И дело тут даже не в том, что я не хочу закончить дни так, как кончил их в другом мире. Лично я ничего не боюсь, за исключением ледяного бешенства господина Новикова, но уж его-то бояться не стыдно никому... Больше всего я боюсь за саму Сербию. Наша страна очень невелика по сравнению с окружающими ее врагами, и наивысшим благом для нее станет союз с Российской Империей, армия которой способна уничтожить всех наших врагов. Я был на тренировках корпуса морской пехоты и видел, что на поле боя могут творить современные русские чудо-богатыри. Если мы не поспоримся с Болгарией (а для этого следует забыть о Македонии), то сможем получать любую поддержку: и всем необходимым для ведения войны, и целыми обученными подразделениями, которые в насмешку над австрийцами будут называться добровольческими. Бойцовские качества сербов ничуть не хуже, чем у русских, но, как я уже говорил, Сербия – это маленькая страна, и у нас никогда не было сколь-нибудь значимой военной промышленности. И не только военной. В случае войны с Австро-Венгрией и даже с Турцией мы будем катастрофически зависеть от поставок извне всего необходимого, в то время как Австро-Венгрия

сама снабжает себя оружием и боеприпасами. Россия обещает обеспечить наши потребности, причем поставляться будет только самое современное и мощное оружие – вроде того, каким сейчас вооружена русская морская пехота. Скорострельные и компактные пулеметы, переносимые солдатами на поле боя минометы, мощная и маневренная полевая артиллерия... Все это мы начнем получать, если перестанем политически заигрывать с другими европейскими державами: Францией и Германией. В любом случае никто, кроме русских, от катастрофы нас спасти не будет. Немцы с превеликим удовольствием поучаствуют в нашем истреблении, а французы постараются сделать на этом парочку гешефтов.

Но даже самое лучшее оружие еще нужно уметь правильно использовать, поэтому господин Новиков согласился принять у себя в корпусе на ротационной основе двадцать сербских офицеров в чинах до капитана включительно для стажировки их на командных должностях уровня «взвод-рота-батальон». И одним из этих офицеров будет подпоручник (подпоручик) Георгий Карагеоргиевич. Если кто и сможет укротить его буйный нрав и огранить алмаз до состояния бриллианта, так это господин Новиков. Война, к которой мы готовимся, вспыхнет далеко не завтра, и к тому времени молодые сербские офицеры, получившие специальную подготовку, дорастут до командиров полков и батальонов, а в нашем масштабе это немало. Тот же Георгий, по уверениям русских офицеров, сможет собрать вокруг себя бригаду таких же диких удальцов, которые выпьют у австрийцев не одно ведро крови.

При этом русские сильны не только своей армией. Я побывал в Петропавловской крепости и имел беседы со всеми ее руководителями. Русской имперской безопасности дело есть буквально до всего, если, конечно, это «все» имеет хоть какое-то отношение к усилению или ослаблению государства. А уж иностранные дела входят в число причин, прямо влияющих на усиление и ослабление государственной безопасности, в безусловном порядке. В этом вояже меня сопровождает один из тайных руководителей России и пришелец из будущего, полковник имперской безопасности Баев, в своей организации возглавляющий Загранразведку. Как мне сказали, он довольно часто выезжает решать проблемы на месте, а не только руководит подчиненными из собственного кабинета. Подготовка визита в Сербию брата русской императрицы оказалась достаточно ответственным мероприятием для того, чтобы отвлечь этого человека от чисто кабинетной работы.

По пути, чтобы время не пропадало зря, мы ведем с господином Баевым весьма поучительные для меня беседы. У этого человека значительный опыт по обе стороны времени, а еще ему известно будущее нашей несчастной Родины, которое наверняка сбудется, если мы не предпримем каких-нибудь экстраординарных мер. А это будущее означает новые страдания для нашего и так уже измученного народа. Оказывается, мало собрать под свою руку земли населенные южными славянами, – помимо этого, необходимо уничтожить нежелательные тенденции, ведущие общество к расколу. А ведь мы сами немало сделали для грядущих сербских страданий, либо не признавая существования других южнославянских народов и считая их испорченными сербами, либо продвигая вперед идею великосербского превосходства. Именно от таких идей, как от вбитых клиньев, по обществу начинают змеиться трещины, которые в итоге и привели к краху государства, построенного в полном соответствии с нашими первоначальными замыслами. Мне горько это признавать, но у меня нет другого выбора. Идея сделать принца Михаила нашим правителем – это шанс вырваться из ловушки, заданной рамками сербского самосознания. Только человек со стороны, не обуреваемый нашими комплексами и фантомными болями, способен разорвать порочный круг наших национальных страданий – ведь сколько времени существует сербский народ, столько он и страдает.

Но не знаю, поймут мои аргументы товарищи по тайной организации или подвергнут жестокому остракизму. Ведь мы, сербы, люди гордые и все стараемся делать сами, сами, сами. Но, как говорит полковник Баев, если мы хотим разорвать круг страданий, пришло время прекратить эту художественную самодеятельность и делать все четко «по науке». Во-первых – основное наше внимание следует нацелить на то, чтобы собрать под руку Белграда территории, населенные сербским народом – неважно, в какой, австрийской или турецкой, провинции эти земли сейчас находятся. Административное деление присоединяемых земель должно меняться таким образом, чтобы из территорий, населенных сербами, образовалось мощное национальное ядро будущего объединенного государства южных славян. Без этого приступать к его строительству просто бессмысленно.

– Все сербы должны жить в Сербии, – под стук колес говорит мне эмиссар русских из будущего, – равно как и все болгары – в Болгарии...

И в этот момент мимо окон вагона проскочил освещенный газовыми фонарями перрон небольшой станции, с надписью на фасаде «Oświęcim». Господин Баев

вздыхнул и, прервав предшествующие речи, сказал:

– Драгутин, а знаете, мимо какого места мы сейчас проехали? Ни хрена вы, оказывается, не знаете...

И мой собеседник начал рассказывать об этом Освенциме такие ужасы, что у меня на голове дыбом встали немногочисленные волосы. И ведь, слушая его, я понимал, что он ни капельки не обманывает и не преувеличивает. Нам ли, сербам, не знать, какие мысли бродят в головах у наших соседей по Европе, особенно у австрийцев. Просто до сей поры людоедство не в моде, но если кто-то спустит этих людей с цепи и скажет, что совесть – это просто атавизм, то мало не покажется никому. Ну нет – мы, сербы, тоже иногда творим такое, что те же русские только крутят пальцем у виска: как то убийство короля Александра Обреновича, за которое мне в Петербурге не попенял только ленивый. Но мы делаем такие вещи от вспыльчивости, отчасти от отчаяния, ведь папеньку этого Александра мы уже однажды абдиктировали[8 - Абдикция – отречение монарха, иногда бывает принудительным, в результате чего власть передается либо наследнику, либо (в случае элекционной монархии) проходят новые выборы. Так сказать, альтернатива французской гильотине и русскому дому Ипатьевых.], выставив из страны за многие преступления, а он все равно вернулся, чтобы править руками еще более развращенного сына. Зато у германцев жестокости в порядке вещей. Они совершают их с холодным умом, иногда приговаривая к уничтожению целые народы, как североамериканцы приговорили к уничтожению своих индейцев.

– Неужели вы позволите, чтобы такой ужас повторился вновь? – спросил я у полковника Баева, когда тот закончил свой рассказ.

Его ответ потряс меня до глубины души.

– Мы для того и пришли в этот мир, чтобы воспрепятствовать повторению этого кошмара, сказал он. – Но мы не всемогущи и не способны остановить это зло в одиночку. Каждый должен для себя сам понимать, с нами он или против нас, воюет на стороне добра, или ради того, чтобы в мире воцарилось зло.

Вот тут я был с господином Баевым согласен на все сто процентов: если нам удастся объединить всех сербов в одно государство, то это будет добро, а если империя Франца-Иосифа продолжит существовать и творить свои

непотребства – то зло. Карфаген (то есть Вена с Будапештом) должен быть разрушен, а Белград должен стать больше и краше. Если мы окончательно не сокрушим империю Габсбургов и не разделим ее территории между Российской Империей и будущей Великой Югославией, то так и останемся маленьким, изолированным от братушек-русских, народом. Но когда я высказал эту идею полковнику Баеву, тот только покачал головой и сказал:

– Территория Венгрии – включи ее в состав хоть России, хоть Югославии – не усилит, а только ослабит эти государства – так же, как сейчас Венгрия ослабляет империю Габсбургов. Венгры не только будут рваться на «свободу» с отчаянием обреченных, – они будут плодить вокруг себя множество трещин в прежде едином государственном механизме. Первоначально это была единая Австрия, потом, после мятежа в Венгрии, она стала Австро-Венгрией, но это возмущает третью по численности славянскую компоненту империи, в частности, хорватов и чехов – и вот уже идут разговоры о том, что Двуетиную Империю следует сделать Триединой.

– Да, – сказал я, – такой момент имеется. И больше всех воду в этом направлении мутит наследник старого венского вампира эрцгерцог Франц Фердинанд... Наверное, хочет получить немного дешевой популярности?

– А вот Франца Фердинанда не трогайте, – резко оборвал меня Баев, – если не хотите неприятностей, то передайте всем своим, чтобы не смели прорабатывать в его отношении планы ликвидации, а еще лучше взять этого человека под охрану, чтобы с ним ненароком чего не случилось.

– Но почему? – воскликнул я. – Только ли потому, что в вашем прошлом несвоевременное убийство этого человека нашими людьми обрушило хрупкий мир и вызвало грандиозную войну, к которой не был готов никто?

– А вы уверены, что это были ваши люди? – задал неожиданный вопрос господин Баев. – Нет, бесспорно то, что это были сербы, и их же сделали виновниками развязывания войны. Но вот где принималось решение о том, что Франц Фердинанд должен умереть, и почему Франц-Иосиф колебался целый месяц, прежде чем объявить Сербии войну за любимого племянника? Ведь одиннадцатью годами ранее, когда вы затыкали саблями австрийскую марионетку Александра Обреновича, никто войну вам так и не объявил! Мало было отдать приказ и убрать ненужного политика чужими руками, следовало еще приложить множество дипломатических усилий для того, чтобы в

результате его смерти Австро-Венгрия напала на Сербию, а Германия объявила войну России. Британский посол в Берлине разве что из кожи не выскакивал, доказывая германскому кайзеру и его канцлеру, что Великобритания останется в этом конфликте нейтральной.

– Насколько мне известно, упомянутая вами Великобритания к войне оказалась тоже не готова, – сказал я.

– На самом деле к той войне не успел подготовиться никто, – подтвердил господин Баев. – Но в Лондоне и отчасти в Париже, понимали, что будут готовы к схватке только после того, как свою подготовку завершат в Германии. Немцы все делают быстро и с высоким качеством. Поэтому англо-французский альянс назначил начало войны на четырнадцатый год. Во-первых – перед самой войной во Франции увеличили срок службы с двух до трех лет, и на один год во французской армии образовался полуторный комплект солдат. Во-вторых – программа перевооружения германского флота должна была завершиться в восемнадцатом году, но уже в пятнадцатом новейшие германские линкоры могли поставить под вопрос господство британского флота на морях, при том, что у Лондона уже не было столько средств, чтобы продолжать военно-морскую гонку в том же темпе. Подготовка в войне банально разорила еще недавно богатейшую державу мира. Но самое главное должно было произойти там, куда не в силах забраться броненосцы его Величества. Император Франц-Иосиф дышал на ладан и из ада ему уже присылали повестки том, что он прогуливает свои процедуры по варке в котле. Смерть австро-венгерского монарха могла наступить в любой момент, а вслед за ним начала бы разваливаться и сама Двуетная Империя, ибо наследник уже не смог бы править так, как правил покойный старик.

– Но распад Австро-Венгрии фактически развалил бы Центральные державы, – сказал я. – В таком случае к чему Британии было так торопиться?

– Распад Австро-Венгрии должен был улучшить обстановку для России и Сербии, но отнюдь не для Великобритании, – ответил полковник Баев. – Развал Лоскутного Одеяла еще не означал краха Германии, напротив, германоязычная Австрия и Богемия, где велика доля немецкого населения, наверняка присоединились бы к империи Гогенцоллернов. А это резко усиливало Второй Рейх в промышленном плане и снижало вероятность русско-германского конфликта. Ведь, помимо Германии, в этой войне британские элиты стремились ослабить своих конкурентов-союзников: Францию и Россию. Единственным

английским недочетом было то, что им тоже пришлось ввязаться в наземную войну на континенте, что нанесло Британии невосполнимые потери. Но и это не главное – хрен с ними, с британскими потерями. Главное в том, чтобы ваша организация полностью избавилась от англо-французского влияния. Именно мы должны иметь возможность определить, где, когда и по какой причине начнется мировая война, чтобы иметь возможность подготовиться к этому действию. Впрочем, не исключено, что все случится совсем скоро – в силу естественного, так сказать, хода вещей. Дело в том, что летом восьмого года в Турции должно произойти нечто вроде революции...

– Что значит «нечто вроде»? – спросил я.

– А то, что на нормальную революцию турецкие события походили не более чем пожар в публичном доме – на венецианский карнавал, – ответил Баев. – Но это суть неважно, потому что султан Абдул-Гамид – один из самых отвратительных политиков в истории, не только турецких, но и вообще. Суть в том, что турецкие неурядицы побудили Австро-Венгрию на безоговорочную аннексию Санджака, Боснии и Герцеговины, которые они пока всего лишь оккупируют. В тот раз Сербия возмутилась таким хамством, но войны не было, поскольку император Николай занял примиренческую позицию. Однако Ольга не Николай и мириться с аннексией не будет. Так вот – в чем интерес британцев? Австро-Венгрия в ответ на наши демарши промолчит или же объявит нам войну? И ведь пассивность в этом вопросе тоже может нам стоить дорого. Как победителям в прежней войне нам нельзя отступать ни на шаг, иначе пропадет весь авторитет.

– В таком случае, – сказал я, – необходимо показать, что мы – Россия, Сербия и их союзники – полностью готовы к отражению угрозы; Михаил к тому моменту должен стать мужем Елены, должны быть подписаны все договора и определено желание сражающихся на нашей стороне драться насмерть. Вряд ли австрийцы будут готовы ввязаться в войну ради двух провинций.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

В русской армии и на флоте (особенно на флоте, в связи с немногочисленностью личного состава) офицеров-однофамильцев нумеровали по старшинству. Герой Тюренчена Федор Эдуардович Келлер на семь лет старше своего двоюродного брата Федора Артуровича Келлера, о котором говорит Новиков. По убеждениям этот человек был монархистом и патриотом, графом по титулу, генерал-майором по званию и кавалеристом по военной специальности. Слава первой шашки России что-нибудь да значит. А еще граф Келлер был талантливым командиром, хорошо понимающим роль разведки и контрразведки в современной войне, и по большей части успехи вверенных ему соединений объяснялись именно этим. Враг никогда не мог выведать, где и когда русская кавалерия нанесет ему удар, и в то же время Келлер знал о противнике все.

2

Броненосец типа «Полтава», прежде носивший имя «Петропавловск», в ноябре 1905 года в сильном тумане на подходе к проходу на внутренний рейд Порт-Артура на полном ходу напоролся на затопленный в феврале 1904 года корпус парохода «Хайлар». После осмотра авторитетной комиссией восстановление стремительно устаревающего броненосца сочли нецелесообразным и после того как корабль сняли с искусственной мели, его подвергли вивисекции. Артиллерию, включая башни двенадцатидюймового калибра, обратили на создание береговых батарей, а корпус, набор которого оказался сильно поврежден, просто разобрали на металл.

3

На самом деле даже шестнадцатидюймовый снаряд пробьет такую броню только с самых коротких дистанций, на которых он летит параллельно воде с почти нестраченной начальной скоростью и вонзается в защиту строго под девяносто градусов.

4

Заячий Ремиз – исторический район города Гатчины (Ленинградская область). Расположен в западной части города. Примыкает к району Аэродром, отделён от него рекой Колпанской (Пильчей). Заячий Ремиз был создан в XIX веке, использовался для охоты. Упоминался в дневнике императора Николая II. Впоследствии был заброшен, стал заболоченным и труднопроходимым.

5

«С мечами» – значит, награда дана за подвиг на поле боя. Иногда бывало, что офицер уже был награжден каким-либо орденом в мирное время, и тогда за подвиг он мог быть награжден мечами к уже существующей награде.

6

Имелся в русской императорской армии обычай, когда при назначении на вышестоящую должность офицеру временно присваивалось соответствующее ей звание. Если с заданием не справился, то вместе с освобождением от занимаемой должности снималось и временное звание; если справился, то звание становилось постоянным.

7

Если бы не коренной перелом в войне на море, который Карпенко со товарищи устроили, нанеся поражение японскому Объединенному Флоту, лежать бы через некоторое время адмиралу Макарову на морском дне вместе с тем самым злосчастным броненосцем «Петропавловск».

8

Абдикция – отречение монарха, иногда бывает принудительным, в результате чего власть передается либо наследнику, либо (в случае элекционной монархии) проходят новые выборы. Так сказать, альтернатива французской гильотине и русскому дому Ипатьевых.

Купить: https://tellnovel.com/ru/markova_aleksandr/vremya-dlya-peremen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)